

Зов желтого дьявола

Автор:

[Наталья Александрова](#)

Зов желтого дьявола

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

К концу XV века, незадолго до вторжения конкистадоров, Империя инков достигла колоссальных размеров, о ее богатствах ходили легенды.

Одурманенные алчностью испанцы решили во что бы то ни стало заполучить золото и драгоценности, и тогда друг против друга восстали «два света». Вице-королю Испании удалось пленить Верховного инка, но ни одна пытка не развязала ему язык, и после смерти Великого вождя местонахождение несметных сокровищ осталось тайной.

Уже более четырехсот лет искатели кладов пытаются найти наследие последнего царя инков. Невольно в их ряды вливаются две русские туристки, путешествующие по Польше. К ним в руки попадает карта, которая, возможно, прольет свет на место нахождения вождя древнего народа.

Ранее книга издавалась под названием «Тайна золота инков».

Наталья Александрова

Зов желтого дьявола

© Н. Александрова, 2019

* * *

«Идиотизм! – в который раз подумала Аля. – Черт меня дернул связаться со всем этим!»

Она с тоской оглядела салон туристического автобуса. Хороша публика – в основном развеселые тетки в районе пятидесяти, все как одна в ярких открытых маечках и коротких брюках. Кое-где среди слегка пожухлого цветника попадались скромного вида мужчины, затюканные женами. Им-то небось хотелось провести неделю отпуска где-нибудь на тенистой речке с удочкой в руках и бутылкой пива, припрятанной в журчащем родничке, чтобы не согрелась. Или на даче, когда пахнет готовящимся шашлыком, в беседке накрыт стол и хозяин несет уже из холодильника запотевшую водочку.

А вместо этого приходится трястись в душном автобусе, потом топтаться на солнцепеке возле какой-нибудь замшелой достопримечательности, слушая многословные объяснения экскурсовода. И в дороге не поспишь, поскольку гид как заведенная долдонит про историю Польши, а когда ненадолго замолкает, активные дамы тут же начинают петь хором.

«И что я тут делаю... – вздохнула Аля, – каким образом меня сюда занесло...»

И рассердилась на себя – ведь она прекрасно знает, как попала сюда – по собственной... не глупости, нет, но нерешительности и уступчивости.

«Не думать! – приказала себе Аля. – Забыть на время, а не то неделя летнего отпуска, с таким трудом выцарапанная, окажется безнадежно испорчена!»

Рядом заворочался кто-то большой и горячий, и перед Алиным лицом возникла растрепанная голова:

– А? Что? Мы уже в Легнице?

– Ну, ты даешь! – невольно восхитилась Аля. – В таком шуме спишь как младенец!

Дашка, ее новообетенная подруга, только пожала могучими плечами:

– Это еще что, подумаешь – поют, я один раз под колонкой спала, где тяжелый рок играл!

Аля усмехнулась – и ведь не врет, так наверняка и было.

С Дашкой они познакомились случайно. Поездку в Польшу для осмотра тамошних замков и остальных достопримечательностей придумал Максим. Аля-то предпочла бы что-нибудь потеплее и поспокойнее. И чтобы море было.

Глубокое синее море. Можно Черное. Или лучше Средиземное. Но сгодится и Адриатика. На Красном в это время года жарковато. Как и на Индийском океане, на Гоа. Впрочем, откуда ей, Але, знать? Она только в Турции была. И то сто лет назад, в другой жизни, еще до знакомства с Максимом.

Она сама испугалась раздражения, появившегося в мыслях. Никогда еще она не думала о Максиме так сердито.

Дашка пыхтела рядом.

– Что ты возишься? – недовольно спросила Аля. – Сиденье трясется...

Дашка весила больше девяноста килограммов, но ни капельки от этого не страдала. И не собиралась худеть, руководствуясь принципом, что хорошего человека чем больше, тем лучше. Познакомились они перед поездкой.

Аля с огромным трудом договорилась на работе, чтобы взять неделю от отпуска в июле. Ее ужасно измотала затяжная простуда, привязавшаяся весной, в выходные хотелось валяться на диване и дремать под тихое бормотанье телевизора. На работу она вставала с огромным трудом. Такое чувство, будто к ногам привесили пудовые гири или самые большие шары для боулинга. Ее все раздражали – соседи по подъезду, сотрудники, медлительный парень на бензоколонке. Хотелось кричать и топтать ногами. Она едва сдерживалась, чтобы

не выплеснуть раздражение на Максима. Но он, видно, чувствовал ее состояние и приходил редко. А потом уговорил ее летом поехать в Польшу – рассказывал с горящими глазами про старинные замки, про связанные с ними средневековые предания. Он вообще умел говорить так, что любой заслушается. А уж она-то и подавно.

И вот они купили путевку, Максим долго выбирал, измучил сотрудницу турбюро, но нашел то, что надо.

«Это будет изумительная поездка, – говорил он. – Я давно хотел поглядеть старинные польские замки, особенно в Легнице...»

Аля не спорила. Она никогда с ним не спорила, всегда уступала. В конце концов, какая разница, куда они поедут в это лето? Главное – вместе... Не будет осточертевшей работы, не будет торопливых встреч два раза в неделю, не будет маминих звонков по вечерам («Александра, когда ты приведешь к нам своего бойфренда, вы вместе уже три года, а мы его ни разу не видели. В конце концов, это неприлично, он что – прячется? Ты, разумеется, не примешь никаких советов, но родители имеют право взглянуть на избранника своей дочери... Все-таки у меня жизненного опыта больше, чем у тебя... И со стороны всегда виднее, подходит он тебе или нет...»).

И так далее, в таком духе мама может проговорить целый вечер.

Ничего этого не будет целую неделю. Они будут вместе везде и всегда, днем и ночью. Ну и что, что не на море. Раз Максиму так нужна эта поездка, Аля согласна на все. Потому что это не просто каприз, это его работа.

Максим – историк, он очень много работает, пишет монографию, и книги, и статьи, потихоньку собирает материал для докторской диссертации. А на море он ездить не любит, считает это пустым препровождением времени.

Аля отогнала от себя сладостное видение: пляж, полный золотистого теплого песка, спокойное море цвета иранской бирюзы, только небольшие волны лениво набегают на берег. Хочется войти в воду и долго плыть, качаясь на волнах.

Она тяжело вздохнула.

– Чего киснешь? – тотчас отреагировала Дашка на ее настроение.

Аля в который раз удивилась. Внешне Дашка похожа на медведицу – высокая, толстая, с широченными плечами, ходит вперевалку, но быстро. Она была легка на подъем, неприлично много ела, смеялась громко и одевалась совершенно невообразимо. И при всем этом отлично чувствовала настроение собеседника, могла разговорить любого, со всеми ладила и на Алю влияла положительно в том смысле, что при ней совершенно не хотелось хандрить. Умела Дашка расшевелить любого человека, так что он забывал обо всех своих мелких неприятностях. И крупных тоже. Аля еще не решила, к какому классу неприятностей отнести эту, последнюю.

За неделю до отъезда Максим позвонил ей на работу. Голос у него был взволнованный и запыхавшийся.

– Сашок! – закричал он в трубку. – Все меняется!

– Как это? – Сердце у Али неприятно екнуло. – Что случилось? Мы никуда не едем?

– Нет, то есть да! – Он рассмеялся. – Ты представляешь, мне прислали приглашение на виллу Гремини!

Аля знала уже, что хозяин виллы Гремини вблизи Милана в Италии – очень богатый человек и меценат. Два раза в год он собирает на вилле ученых, писателей и художников. Люди общаются, слушают доклады, обмениваются мнениями. Считается очень престижным попасть на эти ежегодные конференции, где собирается изысканное интеллектуальное общество.

– Кто-то у них там заболел или не смог приехать, – радостной скороговоркой бормотал Максим, – вот меня и пригласили на освободившееся место. Ну ничего, я не гордый, могу и вместо кого-то... Так что сейчас сажусь за подготовку к докладу.

– В Польшу мы не едем? – зачем-то уточнила Аля, хотя и так все ясно.

– Ну какая Польша... – отмахнулся Максим. – Замки подождут, они больше шестисот лет стояли, еще постоят...

«Это уж точно», – подумала Аля.

И пока она собиралась с духом, чтобы спросить как можно тверже, что же ей-то теперь делать с путевкой, за которую уже уплачены деньги, и с начальником, с которым она уже насмерть поругалась из-за этой несчастной недели в июле, Максим крикнул в трубку, что она умница, обязательно что-нибудь придумает, и отсоединился.

Аля обалдело посмотрела на плакающую трубку и принялась звонить в турагентство.

Даже сейчас она поежилась, вспомнив про трудный разговор с туроператором.

Тетка была дока. Она стояла насмерть. Правда, с Алей это было нетрудно, потому что та сама не знала, чего требовать.

Было очень обидно. Она уступила Максиму, согласилась на дурацкие замшелые замки, а теперь должна ехать туда вообще одна. Хорошо поставленным голосом дама в турагентстве говорила, что путевка оплачена, места забронированы, что она скажет польской стороне? Все экскурсии заказаны заранее, количество людей посчитано.

Аля слушала ее не слишком внимательно. Она думала. Начальника нечего и думать просить о переносе отпуска. Он ее в кабинете ногами затопчет. Что она может сделать? Бросить все и полететь на море. Но, во-первых, жалко денег, потраченных на путевку. Во-вторых, лето, время отпусков, и ни гостиницы, ни билетов на самолет за неделю она не достанет. Нет, конечно, все можно организовать, были бы деньги. Но у Али таких денег нету.

Что остается? Провалиться неделю на диване, изредка выбираясь из дома, чтобы заскочить в солярий? Противно и унижительно.

Или же провести эту неделю на даче у родителей... Мать будет ее все время воспитывать, твердя, что она неорганизованная и расхлябанная, не умеет себя

правильно поставить с мужчинами... Ведь придется ей рассказать про путевку и про Максима, уж мамочка умеет вывернуть человека наизнанку, чтобы получить информацию! Во всяком случае, с Алей у нее всегда это получалось.

Нет, только не это! Обязательно нужно уехать. Хоть куда, хоть в дом отдыха без горячей воды и с туалетом в конце коридора, хоть в глухую саратовскую деревню. Хоть в лес комаров кормить, но только не на дачу!

- Вы меня слушаете? - пробились к Алиному сознанию туроператор. - Если ваш спутник не едет, вы же можете найти себе кого-нибудь в пару...

- Не знаю, успею ли... - растерялась Аля. - Осталось так мало времени...

Дама из агентства выразительно промолчала, но Аля прекрасно поняла, что она подумала: «Если тебя, милочка, хахаль бросил, то нечего было тянуть его в Польшу. Поехали бы как все люди на море, там бы мужик размяк... Теплое море, ласковое солнце, вечером ненавязчивая музыка и пиво, что еще надо человеку на отдыхе? А она вишь, чего выдумала - мотаться по жаре в душном автобусе... Ясное дело, мужик от такой радости сбежал к другой, которая его в Турцию повезла. Или с приятелями на рыбалку, тоже милое дело...»

Аля промолчала - какой толк объяснять постороннему человеку всю их сложную ситуацию с Максимом?

Она бросила клич по знакомым, но получила в ответ искреннее непонимание и даже насмешки. «Что мы потеряли в Польше? - недоумевали подруги. - Нет, мы, конечно, ничего не имеем против этой страны, но в отпуске хотелось бы отдохнуть...»

Аля совсем пала духом, когда как-то поздно вечером раздался телефонный звонок.

- Это вы ищете спутника для поездки в Польшу? - выпалили на том конце.

Так они познакомились с Дашкой. Ее нашла та самая дама из турагентства.

На «ты» перешли тут же, при первом разговоре. При встрече Аля испытала легкий шок, увидев новую знакомую во всей красе – девяносто килограммов живого веса, синяя свободная кофта немыслимого размера и ярко-желтый шарф. Волосы растрепаны, глаза ненакрашены, босоножки без пяток сорокового размера, Дарья сама называла их лыжами. Она их вечно теряла в самых неподходящих местах – на пешеходном переходе, на эскалаторе метро, как-то раз одна «лыжа» провалилась на пути между вагоном и перроном. По ней прошел поезд, и то, что вытащила потом дежурная, надеть было никак нельзя. Дарья со смехом рассказывала, как потом шла домой босиком, хорошо, что недалеко, всего две остановки.

Однако от новой знакомой исходили такая жизненная сила и оптимизм, что она Але сразу понравилась. Вроде бы и не расспрашивала Алю специально, та сама рассказала, каким образом получилась накладка с путевкой.

– Ну, уехал и уехал! – махнула Дашка рукой, выслушав. – Не этот отпуск, так другой вместе проведете. Что у тебя, последний, что ли? Какие наши годы!

И Але показалось, что все и правда не так плохо. Дарья обладала уникальным качеством – в ее присутствии людям казалось, что все проблемы разрешимы, мелкие неприятности не стоит брать во внимание, а крупные автоматически переходят в разряд мелких.

– А ты зачем едешь? – в последнем приступе недоверия спросила Аля. – Что позабыла там?

– Мне интересно, – последовал ответ, – я в Польше была, но замков не видела...

В дальнейшем разговоре выяснилось, что Дарья была везде, в каждой стране Европы уж точно, и не по одному разу. А кроме того, в Штатах, Канаде, Мексике, Японии, Таиланде, Камбодже, Египте – в общем, во всех частях света.

– Вот в Австралии не была, – вздохнула Дашка, – и в Антарктиде тоже. Ну, все еще впереди, какие мои годы...

Аля отвела взгляд, на мгновение позавидовав новой подруге. Все у нее просто.

Дашка сказала, что у нее сейчас большой отпуск – два месяца, и за это время можно черт-те сколько успеть. Она преподает в университете, подрабатывает в школе на экзаменах, переводит документы в салоне по продаже автомобилей, изредка нанимается синхронистом на кинофестивале, занимается репетиторством. Сейчас студенты и школьники не учатся, и у нее есть время для поездки. Она знает два языка – английский и испанский – и еще может объясниться по-польски и по-чешски, так что проблем не будет.

Аля приободрилась и даже купила новые белые брюки. Они продавались в дорогом магазине с большой скидкой.

Дарья сразу же перезнакомилась со всеми туристами, Аля же держалась в стороне. Товарищи по путешествию не вызвали у нее особых восторгов. Как уже говорилось, в основном это были тетki в районе пятидесяти. Мужчины оказались в меньшинстве, ни одного относительно молодого, на которого можно было кинуть взгляд или перекинуться словом на стоянках.

Дашка сразу же дала всем прозвища. Одну пару средних лет она назвала «голубочками». Аля с тех пор не могла смотреть на них, чтобы не хихикнуть. Муж с женой были очень похожи – оба невысокого роста, кругленькие, розовощекие, в одинаковых джинсовых шортах и клетчатых рубашечках. Они всегда появлялись вместе, держались за руки, как подростки, внимательно слушали экскурсовода и между собой почти не разговаривали, понимая, надо думать, друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда.

Был еще странного вида мужчина с длинными усами, как у знаменитого кавалериста Буденного. Дашка, увидев его впервые, откровенно разинула рот, за что удостоилась недовольного взгляда жены усатого типа – пергидрольной блондинки в красном платье в крупный горошек. Оказалось, что усатый немного говорит по-польски – когда-то давно гонял в Польшу груженые фуры, там и научился. Об этом он сам громко рассказывал всей группе, за что и получил от Дарьи кличку Усатый Пан.

Он все время пытался заговорить по-польски с экскурсоводом пани Малгожатой и, судя по тому, как она морщилась, здорово мешал работать.

Была еще Мымра – противная с виду тетка, со скрипучим голосом, в очках со старомодной оправой и с потрясающей способностью появляться всегда не вовремя. Когда кто-то из группы пытался фотографировать достопримечательности, Мымра всегда оказывалась рядом, чтобы вовремя перекрыть вид. Так что фигурировала практически на всех фотографиях. Когда кто-то пытался уединиться, Мымра немедленно увязывалась следом. Когда кто-то пытался задать вопрос экскурсоводу, Мымра непременно перебивала.

В автобусе она каждый раз садилась на новое место, вызывая этим путаницу и создавая беспорядок. Пани Малгожата не могла смотреть на Мымру без зубовного скрежета после того, как весь автобус ждал ее на стоянке почти час. Мымра явилась как ни в чем не бывало и сказала, что перепутала время: думала, что сказали не пятнадцать тридцать, а шестнадцать двадцать.

Дашка только посмеивалась, утверждая, что во всякой группе найдется такая Мымра.

– Скоро приедем! – сказала Дарья. – Вон уже замок виден...

– Девушки, а вы почему с нами не поете? – спросила Мымра через проход.

Как всегда, вопрос прозвучал не к месту, поскольку все замолчали, повинувшись знаку пани Малгожаты.

– Нам медведь на ухо наступил, – любезно сообщила Дарья, – еще вопросы будут?

Сзади послышалось хрюканье – это еще один член группы выражал отношение к происходящему.

С этим человеком все было не так просто. Немолодой, прилично за пятьдесят, а то и к шестидесяти, и единственный одинокий мужчина во всей группе. Выглядел он очень прилично – одет со вкусом, дорогие очки в золоченой оправе. По причине своей незанятости мужчина, ясное дело, вызывал сильнейший интерес у дамской части группы соответствующего возраста. Но он очень удачно уклонялся от всякого совместного времяпрепровождения. Вечерами безвылазно

сидел у себя в номере, днем садился в автобусе обязательно один и не отвечал на неуклюжие заигрывания и приглашения вместе попеть, выпить кофе и поговорить о жизни и литературе. Аля его даже зауважала.

Однако Дашке он отчего-то не понравился.

– Какой-то взгляд у него... – говорила Дашка вполголоса, – непростой... Как будто смотрит на тебя, а видит что-то совсем другое...

– Рентгеном, что ли, просвечивает? – не поняла Аля.

– Да нет... – против обыкновения Дарья говорила несколько неуверенно. – Зачем ему нас просвечивать, ничего у нас внутри интересного нету...

– Вот и я о том же, – согласилась Аля. – Взгляд как взгляд, выдумываешь ты все... Может, это из-за очков так кажется?

– Да при чем тут очки! – с досадой отмахнулась Дашка. – Очки-то как раз самые обыкновенные, хотя оправка очень дорогая... Вот скажи, если ему так противно иметь дело с людьми из группы, зачем он вообще поехал по турпутевке?

– Замки посмотреть хочется... А на индивидуальный тур денег нету... – Аля пожала плечами.

– Нет, тут что-то не то... – Глаза у Дашки таинственно блеснули. – Как хочешь, а этот тип преследует какую-то свою цель. Не сойти мне с этого места!

– Не выдумывай! Хватит о нем уже говорить! Человек как человек, приличный, образованный, профессор, наверное... не знаю, почему он тебя так интересуется.

Покладистая Дарья прекратила обсуждение человека в золоченых очках, только дала ему кличку Тайный Агент.

– Мы прибываем в замок Легнице! – заговорила в микрофон пани Малгожата. – Этот замок построен в четырнадцатом веке для защиты северных рубежей Венгрии...

– Как Венгрии? – перебила Малгожату Мымра. – Вы, наверное, оговорились! Вы хотели сказать, Польши!

– Я хотела сказать то, что сказала! – раздраженно ответила экскурсовод. – В Средние века эти земли принадлежали Венгрии, затем вошли в состав Австро-Венгерской империи. Когда в этих местах проводили границы, пытались определить, какое население преобладает. Но на вопрос чиновников, кто они такие, жители отвечали – местные, и все тут. Язык тоже не помогал, потому что местные как тогда, так и сейчас разговаривали на смеси польского и словацкого языков, да еще с вкраплением венгерских слов. Наконец нашли одну польскую деревню и решили включить эти места в состав Польши...

Стоянка туристических автобусов была почти возле самого замка, пройти оставалось метров пятьсот.

– Не разбегайтесь! – предупредила пани Малгожата. – Сейчас у нас заказана экскурсия, потом будет свободное время.

Выяснилось, что сама пани экскурсию в замке проводить не может, такие законы. Группа, толпясь и переговариваясь, прошла во двор замка, там ожидал их местный экскурсовод – молодой парень в расстегнутой рубашке и бейсболке козырьком назад.

Парень потянулся, так что хрустнули кости, потом чихнул, высморкался в несвежий клетчатый платок и затараторил гнусавым голосом по-польски, Малгожата едва успевала переводить:

– Замок Легнице заложен в четырнадцатом веке для защиты северных рубежей Венгрии...

– Ну вот, – прошептала Дашка на ухо подруге. – Сейчас нам будут по новой излагать все то, что Малгожата рассказывала в автобусе...

– А Мымра будет перебивать лекцию неуместными вопросами! – отозвалась Аля, и подруги прыснули.

– В шестнадцатом веке жупан этой области...

– Жупан? – громко переспросила Мымра. – Если я не ошибаюсь, жупан – это такая верхняя одежда!

Подруги переглянулись. Пани Малгожата посмотрела на Мымру с ненавистью и проговорила, скрипя зубами:

– Я покорнейше попрошу ясновельможную пани задавать свои вопросы в конце экскурсии, чтобы не мешать остальным! А жупан – это не только верхняя одежда. Это еще и титул князя или правителя у южных славян!

Мымра наконец замолкла, а экскурсовод, прокашлявшись, продолжил свою лекцию.

Перечислив многочисленных владельцев замка, упомянув, что с этим замком, как и со многими другими, связаны истории и легенды о сокровищах и привидениях, он добавил, что не советует заниматься здесь самостоятельными поисками кладов, потому что на территории водится множество ядовитых змей.

При этом сообщении Мымра ахнула и переместилась поближе к экскурсоводу – видимо, она считала, что он имеет влияние на местных змей и при нем они не посмеют ее укусить.

Далее молодой человек сообщил, что замок значительно пострадал во время последней войны. В частности, в результате артиллерийского обстрела была разрушена одна из самых романтических его частей – Девичья башня, с которой связана старинная легенда о дочери барона, которую жестокий отец заключил сюда за то, что она полюбила не того человека, которого он прочил ей в женихи.

– Вечная история! – пробормотала Дашка. – Конфликт поколений! Он ее хотел выдать за какого-нибудь солидного аристократа с большими поместьями, а ей приглянулся молодой вертопрах...

– Уже в семидесятые годы двадцатого века большая часть замка была восстановлена под руководством выдающегося краковского реставратора профессора Маевского...

Наконец прозвучали долгожданные слова:

– А теперь мы с вами войдем в замок! Попрошу любезных панов и пани не отходить в стороны от группы, поскольку многие помещения опасны!

Над главным входом красовался каменный щит с гербом, центральное место занимала большая хищная птица с облезлой шеей и повернутой влево головой.

– Какой-то индюк! – шепнула Даша на ухо Але. – Во всяком случае, на геральдического орла ничуть не похож!

Экскурсовод то ли расслышал ее слова, то ли те же мысли возникали у многих туристов, только он задержался на крыльце и проговорил простуженным голосом:

– Птица на гербе владельцев замка очень необычна. Многие специалисты по геральдике считают, что это кондор, обитающий в Южной Америке. Дело в том, что один из владельцев замка был связан с древней южноамериканской аристократией... попрошу не отставать от меня!

Внутри замок казался еще больше, чем снаружи. Экскурсанты притихли. Их подавляли темные мрачные залы с высоченными, уходящими во мрак сводами. Аля следовала за группой, переходя из зала в зал. Вначале шли парадные покои. Стены были увешаны гербами и знаменами, в одном зале был огромный камин, в который, казалось, могла бы въехать целая карета, запряженная четверкой лошадей. И топили этот камин не обычными дровами, а целыми бревнами.

Сейчас камин был пуст, о чем Аля немедленно пожалела. В мрачных темных залах стояла прохлада. Аля зябко обхватила себя за плечи и пожалела, что не взяла с собой что-то теплее блузки без рукавов и легкого шелкового шарфа. Но блузка так подходила к ее новым белым брюкам...

– На улице дикая жара, а здесь холодно... – проворчала она, – представляю, какой колотун стоял у них зимой...

– Угу, а я все думаю, где этот парень умудрился простуду схватить? – сказала Дашка.

Сама она тоже была одета легко, но ничуть не мерзла.

«Жир греет», – почти с завистью подумала Аля.

Краем глаза она заметила, что экскурсант, которому они с Дашкой дали кличку Тайный Агент, отстал от остальной группы и свернул в сторону. Сама не зная почему, Аля тоже замедлила шаги и хотела было двинуться за ним, но вдруг заметила, что не одна она хочет это сделать. Откуда-то материализовался неказистый сутулый тип, который опасливо огляделся по сторонам и шагнул за человеком в золоченых очках. Вид у него был слишком целеустремленный, чтобы можно было поверить в случайность.

«Кажется, Дашка была права, и у этих двоих назначена тайная встреча», – подумала Аля.

Она оглянулась в поисках подруги, но та уже ушла вслед за остальными членами группы в другой зал. Слышен был гнусавый голос экскурсовода и Дашкин – она отвечала по-польски.

Сама себе удивляясь, Аля тихонько двинулась за сутулым типом. Она миновала большой зал, прошла длинную полутемную галерею, увешанную портретами надменных немолодых шляхтичей, в конце галереи мелькнула сутулая спина. Аля подумала, что надо возвращаться, не то она заплутается в этих холодных каменных залах и темных переходах. Умрет от голода и превратится в привидение. А что, наверное, тут таких много... Так или иначе, компания неподходящая.

Галерея переходила в еще один небольшой зал, от него ответвлялся коридор, поперек которого была натянута веревочка и висела табличка. Хотя написано было по-польски, Аля тотчас поняла, что она означает «Служебное помещение, посторонним вход воспрещен». Веревочка, однако, легонько покачивалась. Стало быть, сутулый тип проскользнул здесь только что, за Тайным Агентом торопится...

Аля помедлила немного возле веревочки и огляделась. Зал небольшой и, как ни странно, довольно уютный. Узкие стрельчатые окна пропускали достаточно света. Был в зале камин – не такой огромный, где жгли целые бревна, но тоже большой. Камин абсолютно чистый, как видно, давно не пользовались. Над ним висел портрет молодой знатной женщины. Горностаевый палантин и три белые лилии в руке говорили о том, что она принадлежала к королевскому роду. Художник изобразил даму анфас, только голова чуть повернута. Гордый поворот головы и взгляд чуть искоса создавали впечатление, что дама на портрете присела в кресло ненадолго, попозировать художнику, и сейчас встанет, поправит сползающий с плеч палантин, бросит лилии, властно взмахнет рукой...

От дальнейшего созерцания Алю отвлекли торопливые шаги. Человек не старался ступать осторожно, не боялся, что его услышат. Он громко топал на бегу.

Аля испугалась, что столкнется с ним. Что она скажет? Зачем она здесь, в этом зале, – одна, без группы? Можно, конечно, притвориться, что отстала, заблудилась... Но если это возвращается Тайный Агент, то он, чего доброго, заподозрит Алю в слежке, а сутулый вообще тип очень подозрительный.

Шаги приближались. Аля хотела бежать назад, но было поздно. Она оглянулась в панике, ища укрытие, и столкнулась взглядом с дамой на портрете. Показалось ей, что дама слегка пошевелила рукой с лилиями, указывая на камин? Аля не стала долго думать, залезла внутрь и спряталась за экраном.

И вовремя, потому что мимо буквально пролетел тот самый сутулый подозрительный тип. Сейчас он выглядел еще более подозрительно: глаза вытаращил, руками размахивает и что-то невнятно бормочет.

«Рехнулся!» – испугалась Аля.

Сутулый споткнулся и едва не растянулся прямо возле камина. Аля попыталась вжаться в стенку и пожалела, что еще не стала привидением и не может вылететь в каминную трубу. Сутулый выругался по-польски и вышел из зала, прихрамывая. Аля перевела дух и затихла.

Нужно было вылезти из камина и идти на поиски группы. А то уедут из замка, и что она тогда станет делать? Как добираться? Страшно. С чего это сутулого

типа так разобрало? Что он такого увидел, отчего испугался? Вот именно: когда он пробежал мимо, Аля заметила, что он просто умирает от страха.

Но она-то какой дурой выглядит, сидя здесь, в камине! Не дай бог, кто-то увидит, со стыда сгоришь! И чего она испугалась? Ну, сначала пошел человек один, потом за ним другой, потом этот другой вернулся... А что бежал, так, может, у него живот прихватило, вот и торопился...

Да, будь на ее месте Дашка, она бы уж не стала прятаться. Да она бы в этот камин просто не поместилась!

Аля сердито вздохнула и вылезла. И тут же ахнула: на белых брюках красовалось черное пятно. Ясное дело, средневековая сажа. И она, идиотка, сама в нее влезла!

Аля покосилась на портрет царственной особы. Дама глядела с насмешкой, Але показалось даже, что большие грушевидные жемчужины у нее в ушах слегка покачиваются.

Вот так всегда, все над ней посмеиваются, поступают как удобно им самим, не учитывая ее интересы. Вот и Максим – сам уговорил ехать и бросил тут, в этом пыльном замке...

От обиды Але показалось, что Максим завез ее сюда, а потом уехал на эту свою итальянскую виллу. Она собралась уходить и оглянулась по сторонам, проверяя, не выронила ли что-нибудь. Вербочка в проходе была сдернута, табличка валялась на полу, Аля подошла, чтобы поднять ее и водрузить на место. А то еще подумают, что она разгуливала по служебным помещениям.

И тут услышала стон. В первый момент Аля подумала: ей показалось, просто ветер шумит в бойницах. В старом замке всегда слышатся разные звуки – унылые завывания, шорох, треск и стук. Поэтому и придумали люди сказки про духов и привидения. Сквозняком захлопнет дверь, мелькнет в осколке цветного стекла лунный свет, ветер взвояет в печной трубе... Глядишь – и готова легенда о старом ревнивом бароне, который задушил из ревности свою молодую красавицу жену, и теперь ее дух бродит по замку, жалобно стелая и пугая случайных туристов.

Все эти мысли промелькнули в голове у Али очень быстро. И тут она услышала еще один стон, полный муки. Вне всякого сомнения, звук издавало существо из плоти и крови, привидения тут ни при чем. Аля оглянулась по сторонам. Никого рядом, никто не может помочь. Аля собралась с духом и отважно шагнула за веревочку.

Она прошла совсем немного по коридору и оказалась в небольшой часовне. Потолок был высокий, сводчатый, напротив входа стояла большая деревянная статуя Христа, над ним висело распятие. Возле ног статуи стояла ваза с букетом сильно пахнущих белых лилий, а на ступенях, ведущих к подножию статуи, лежал человек. Тот самый, которому Дашка дала кличку Тайный Агент.

Человек лежал неподвижно, и Аля окаменела от страха, подумав, что он мертв. Но кто же тогда стонал? Аля заставила себя взглянуть еще раз.

На человеке не было никаких видимых повреждений – руки-ноги не переломаны, одежда в порядке, крови вокруг не видно. Если его убил сутулый, то каким образом он это сделал?

И вдруг человек шевельнулся. Он открыл глаза и сделал попытку приподняться. Аля подлетела к нему и чуть не растянулась рядом, споткнувшись на вытертых сотнями ног ступеньках. Перед ней оказались глаза Тайного Агента. Глаза эти были полны невыразимой муки, впрочем, возможно, так казалось из-за отсутствия очков. Разбитые очки в золоченой оправе валялись рядом.

– Вы живы? – глупо спросила Аля.

Человек скривил губы в гримасу, что, наверное, означало улыбку. Он снова сделал попытку приподняться, а Аля закричала:

– Лежите, лежите, вам нельзя двигаться!

Из чего она сделала такой вывод, и сама не понимала. Где-то слышала или читала, что пострадавшего в автокатастрофе ни в коем случае нельзя переворачивать, чтобы не потревожить раны... Но тут не было никаких ран.

– Кто вас так? – спросила Аля. – Этот сутулый, что был здесь?

Человек утомленно прикрыл глаза, Аля испугалась и тронула его за руку.

– Кто вас, Виктор... Виктор Николаевич? – Она и сама удивилась, что в памяти всплыло его имя.

Вроде бы никто его не представлял, и ни разу они не разговаривали, Дашка, что ли, разузнала... Или Мымра сообщила, она еще профессором его называла...

В ответ на ее вопросы профессор еле заметно покачал головой – никто его не трогал...

– Вам нужен врач! – решительно сказала Аля. – Я сбегая и позову кого-нибудь!

Снова он с трудом покачал головой – не надо, мол, бесполезно... Он сделал еще одну попытку приподняться, но потерпел неудачу и снова упал на ступеньки. Потом умоляюще посмотрел на Алю, и она помогла ему принять полусидячее положение, прислонив к ногам деревянной статуи. Он посидел немного, отдыхая, потом начал делать руками какие-то странные, собирательные движения. Он шарил вокруг себя и ничего не находил. Аля вдруг поняла, что ему очень плохо и врач нужен срочно. Она вскочила на ноги, но тут профессор с радостным стоном вытащил из-под себя какую-то бумажку и протянул ее Але. Рука дрожала, бумажка едва не выпала, Аля подхватила ее, и тут мужчина вдруг начал заваливаться на бок. Глаза его закатились, в углах рта выступила пена. Тело было ужасно тяжелым, Аля не смогла его удержать, и профессор упал, стукнувшись головой о ступеньки.

Он лежал, раскинув руки, голова запрокинулась, открытые глаза были устремлены в высокий потолок. Несомненно, умер. Аля завизжала и бросилась прочь из часовни.

Одним махом пролетев коридор и комнату с портретом знатной дамы, она миновала галерею, потом еще два зала и столкнулась с пани Малгожатой, которая, надо думать, недосчитавшись одной туристки, решила ее искать.

– Там... там... профессор... очки... – бормотала Аля.

Тут на нее набежала Дашка, не слишком вежливо встряхнула, так что перемешались все косточки, и гаркнула прямо в ухо:

- Говори толком!

Аля проглотила комок, стоявший в горле, и довольно внятно сказала, что в часовне на ступеньках лежит мертвый человек, это один из туристов, профессор...

- Любомирский? – ахнула пани Малгожата.

Но тянуть не стала, тут же вытащила мобильный телефон и уже нажимала кнопки. Прибежали остальные туристы, все недоуменно галдели, спрашивая, что случилось.

- Пожар? – деловито осведомилась Мымра. – Где здесь запасной выход?

- Да не пожар, а нижняя галерея обвалилась, – авторитетно поправил ее Усатый Пан, втянув носом воздух. – Дымом-то не тянет...

Пани Малгожата нервно отмахивалась от расспросов, но Дашка охотно отвечала, что профессор отстал от группы и ему стало плохо где-то там, в дальних комнатах замка...

«Голубочки», выслушав Дашку, дружно развернулись и направились в нужную сторону, махнув Але, чтобы показала дорогу. Мымра увязалась следом, за ней топала Дашка.

- Эй, вы куда это? – спросил появившийся наконец экскурсовод. – Туда нельзя!

- Я врач, – бросил ему мужчина.

- И я врач, – сказала его жена.

Дашка могучим плечом отодвинула парня в сторону, и они четверо поспешили в часовню. Экскурсовод успел вцепиться только в Мымру. Пока они боролись, маленькая группа дошла до часовни. Там встретил их плотный загорелый

мужчина в форме охранника. Дашка мигом заговорила с ним по-польски. Тем не менее он допустил к телу только «голубочков». Дашка вытянула шею и перегородила весь проход, так что Але пришлось невежливо пихнуть ее в бок.

Тело лежало в той же позе, что оставила его Аля, открытые глаза смотрели в потолок. «Голубочки» подошли с двух сторон, одновременно пощупали пульс и посмотрели глазные яблоки. Потом переглянулись и покачали головами.

- И так ясно, что умер, - громко прошептала Дашка.

- Его отравили? - тихо спросила Аля.

- Похоже на инфаркт, - муж пожал плечами. - Видимых повреждений нет...

- А с чего вы взяли, что его отравили? - Жена поглядела на Алю пристально.

- Да я... - начала было Аля, но Дашка пихнула ее в бок, и она замолчала.

- Да она просто так сказала... - заторопилась Дашка. - Она покойников никогда не видела...

Тут Аля заметила, что плотный охранник смотрит на нее пристально и с подозрением. Дашка тотчас затараторила по-польски, и он нехотя отвел взгляд.

«Голубочки» остались в часовне, подруги побрели во двор, где ожидала остальная группа.

- Спешу вас обрадовать! - тут же заявила Мымра, которая, как всегда, узнавала новости самой первой. - Наш отъезд задерживается на неопределенное время! Ждем приезда полиции!

- А полиция-то при чем? - громко удивилась Дарья. - Несчастный случай, человеку стало плохо, врачи сказали - инфаркт... как говорится, смерть от естественной причины...

- Если больной - нечего ездить по заграницам, - вздохнул Усатый Пан. - Сидел бы в санатории где-нибудь под Старой Руссой или на даче в тенечке... А тут

жара, пыль, постоянные переезды, в общем, сплошные стрессы... вот сердце и не выдержало. А все ты, – повернулся он к своей пергидрольной жене. – Поедем да поедем, культуры наберемся! В гробу я видел эту культуру! – Он смачно плюнул на каменные плиты замкового двора.

– Где это вы, милочка, так умудрились изгваздаться? – спросила Мымра, указывая на пятно на Алиных брюках.

Как всегда, голос ее прозвучал в тишине очень ясно, и все уставились на злосчастные брюки. Аля попыталась спрятаться за Дашку, но та тоже принялась ахать.

– Говорила, не надевай в поездку белое! – сказала она. – Тут же вековая пыль! А хотя это не пыль, это сажа... Александра, ты что – в камине сидела?

– Отстань! – всерьез разозлилась Аля.

Против ожидания полицейские подъехали довольно быстро. Польский врач подтвердил диагноз «голубочков» – инфаркт. Затем молодой полицейский подступил к Але.

– Если не хочешь, чтобы мы тут застряли надолго, отвечай коротко, лаконично, простыми предложениями, – проговорила Дашка, не разжимая губ.

Пани Малгожата, сильно взвинченная, торопливо переводила вопросы и ответы. Аля сказала, что отстала от группы, заблудилась, а потом увидела профессора и поспешила за ним, чтобы спросить дорогу. Потом снова упустила его из виду в лабиринте замковых коридоров, а когда нашла, то он был уже мертв, во всяком случае, ей так показалось.

– Зачем вы пошли в служебное помещение? – строго спросил полицейский.

– Я думала, там туалет... – Аля сделала самое глупое выражение лица.

Скоро радостная пани Малгожата сказала, что можно ехать. В автобусе измаявшиеся и перенервничавшие экскурсанты и не думали петь. Кто дремал, кто обсуждал происшествие, а пани названивала в отель, чтобы сообщить об

опоздании к обеду. Аля закрыла глаза и сделала вид, что спит, но сон не шел. Перед глазами стояло лицо несчастного профессора Любомирского. Какая ужасная смерть!

- Вовсе нет, - невозмутимо отозвалась Дарья, потому что последние слова Аля произнесла вслух. - Мгновенно умер, наверное, и сам не успел сообразить... И все-таки что-то с ним не то... Какой-то он был странный, загадочный, таинственный...

Аля поглядела на нее очень выразительно, и Дашка мгновенно загорелась:

- Ты что-то видела? Говори скорей!

Тотчас с переднего сиденья повернулась к ним Мымра:

- Шурочка, вы что - слышали последние слова умирающего? Это ужасно!

По самой Мымре заметно было, что ничего ужасного она в этом не видит, а, напротив, сгорает от любопытства.

- Ничего я не слышала! - рявкнула Аля.

Мало того что Мымра подслушивала их с Дашкой разговор, так еще посмела назвать Алю Шурочкой! Вот уж какую производную от своего имени Аля ненавидит, так это Шура!

- Вам не дуется? - заботливо спросила Дашка у Мымры. - Что-то в салоне прохладно.

Та мгновенно попросила выключить кондиционер, за что Усатый Пан на нее рассвирепел. Мымра ответила, словом, моментально разгорелся скандал, и в общем шуме подруги смогли перекинуться парой слов.

- Что случилось в часовне? - спросила Дашка одними губами.

- Потом скажу! - ответила Аля тем же способом.

Обед плавно перетек в ужин. На Алю внезапно навалилась дикая, прямо-таки чугунная усталость, она просто засыпала за столом и ела через силу, больше ковырялась в тарелке. Дашка же кушала с большим аппетитом, впрочем, как и всегда.

В номере Аля хотела лечь, но вспомнила о безобразном пятне на брюках.

– И что делать? – грустно спросила она. – Небось никакая химчистка не примет... Жалко, новые совсем...

– Да глупости какие! – махнула рукой Дашка. – Застирай в раковине, выведи на балконе, в такую жару они мигом просохнут! Зачем ты их вообще в поездку взяла?

Аля и сама не знала зачем. Она так устала, что не сразу вспомнила, какие у нее были неприятности перед поездкой. Ах да, Максим... Интересно, что он сейчас делает? Но думать почему-то не хотелось.

Дашка схватила несчастные брюки и потрясла их над кроватью. Вывалилось несколько мелких монеток, ключ от номера, расческа и смятый клочок бумаги.

– Это что? – Дашка развернула клочок. – Билет в замок... Ну, это можно выбросить...

– Подожди! – встрепенулась Аля. – Дай посмотреть...

На обратной стороне билета были нацарапаны по-русски несколько слов.

– «От стрелы Халявских отмерить двенадцать шагов...» – с трудом разобрала Аля. – Ой!

– Что? – Дашка мгновенно сделала стойку, как охотничья собака на дичь. – Откуда это у тебя? «В полдень верхний угол укажет проход...» Александра, немедленно колись! Да брось ты штаны! Что видела в часовне? Профессора и правда убили?

- Не знаю, - честно ответила Аля.

- Слушай, если ты немедленно не расскажешь все в подробностях, я сама тебя убью! - возмутилась Дарья.

И Аля выложила все - про подозрительного сутулого типа, про то, как она спряталась в камине, как услышала стон и застала профессора при смерти.

- И вот он сунул мне эту бумажку и умер, - упавшим голосом закончила она. - А я почему-то ничего не сказала полиции.

- Правильно сделала, - одобрила подруга. - Ничего хорошего не вышло бы.

- Но если его убили? Тот сутулый тип выглядел очень подозрительно... - слабо возражала Аля.

- Вот пускай полиция и расследует, - твердо ответила Дарья. - А мы с тобой другим займемся.

- Да я хочу забыть сегодняшний день как страшный сон!

- Ты что? - возопила Дашка. - Чтобы я отказалась от такого приключения? Не зря этот профессор показался мне странным, он все время что-то искал, вынюхивал, высматривал... И вот, нашел...

- Что - вот эту бумажку? - Аля в сомнении потрясла перед Дашкой билетом.

Та выхватила его и прочитала:

- «Пройти двадцать шагов... найти чистое создание... отсчитать от кончика рога...» Слушай, да это же готовый план! Просто карта острова сокровищ!

- Где ты видишь карту? - холодно спросила Аля.

- Пусть не карта, еще лучше! - азартно вопила Дашка. - Не знаю, как ты, а я в картах совершенно не разбираюсь! У нас в школе географ ненормальный был, по

полгода в психбольнице отдыхал! Мы географию училке по домоводству сдавали! И потом, может, они нарочно там все неправильно писали! Знаешь, не та система координат, не от того меридиана отсчитывали, не в той проекции... вот и выходила путаница...

Аля невольно с уважением подумала, что в Дашкиной голове от географии что-то все же осталось. Она сама с трудом помнила, что такое нулевой меридиан.

- А тут все расписано для полных идиотов! - шумно восторгалась Дашка. - Пойди туда, отсчитай столько-то шагов... Нет, этим планом непременно нужно воспользоваться, когда нам еще такой случай представится!

- Ты хочешь сказать...

- Что завтра мы снова едем в этот замок, как его... Легнице! - припечатала Дарья. - И не спорь со мной! Человек перед смертью отдал план тебе! Хоть какую-то совесть имела бы!

Аля слишком устала, чтобы спорить.

- Вот сюда, господин, они пошли сюда! - Кривоногий индеец-чунко в грязной набедренной повязке припал к земле, как охотничья собака, и ткнул пальцем в густые влажные заросли. - Здесь они задержались на несколько часов, потому что его жена разрешилась от бремени. Это было вчера вечером, незадолго до заката. Но потом они продолжили путь, надеясь выйти к реке.

- Дикая люди, дон Педро! - проговорил лейтенант Гомес, оглянувшись на командира. - Заставлять роженицу идти пешком по джунглям - какая жестокость!

- Дикая люди, - согласился дон Педро Картехо-и-Леон, поправив тяжелый меч.

Его детство прошло в портовых трущобах Кадикса, и дикость здешних жителей не казалась ему удивительной. Его собственная мамаша, едва родив его, отправилась в кабаки мыть посуду и подавать пиво загулявшим матросам.

Он рос среди таких же диких людей, только носили они испанские имена и изредка молились Деве Марии и святому Яго Кампостельскому. Они просили у святого выигрыш в кости или богатую добычу в пиратском набеге.

Тогда никто не называл его доном Педро. Свою звучную фамилию он придумал сам, когда приплыл в Новый Свет с шайкой таких же нищих авантюристов, все достояние которых состояло из верного меча и бесстрашного сердца. Все они обзавелись тогда пышными дворянскими именами, чтобы забыть нищее грязное детство, голодную юность, бесшабашную молодость. Только такие баловни судьбы и недотепы, как этот его лейтенант, сохранили свои плебейские имена – Гомес, Гарсия, Мендес. Только те, кому нечего было стыдиться или страшиться в своем прошлом.

– Сколько здесь ходу до реки? – спросил дон Педро проводника.

– Два дня, – ответил тот, не поднимая глаз. – Но с женщиной и ребенком он будет идти медленнее. Может быть, три или даже четыре...

– Мы должны перехватить его раньше! – И дон Педро зашагал впереди своего отряда.

Они вышли из Вилькабамбы неделю назад – сотня лучших испанских солдат с проводниками-индейцами. Вице-король приказал им найти и захватить бежавших в джунгли инков, доставить к нему в Куско их последнего короля и военачальников. А также, конечно, королевскую казну и драгоценности Верховного Инки.

На второй день испанцы разделились на четыре группы – и очень скоро одна нагнала в джунглях и взяла в плен вдову предыдущего правителя Титу Куси, вторая – нескольких знатных военачальников, третья – группу воинов, которые несли золото короля. И только сам Верховный Инка Тупак Амару со своей беременной женой продолжал ускользать от преследователей.

Дон Педро день за днем шел по его следам, как гончий пес по следу раненого ягуара. Он и был гончим псом – гончим псом вице-короля, гончим псом испанской короны, гончим псом католической церкви.

Полил дождь – сильный и долгий, как бывает в этих гиблых краях.

Испанцы шли, не останавливаясь на привал, по дороге подкрепляясь куском вяленого мяса и глотком малаги. Они шли, и дон Педро чувствовал, что еще немного – и дичь окажется в его руках.

– Дон Педро, может быть, дать людям немного отдохнуть? – спросил, нагнав его, лейтенант.

– Никакого отдыха! – рявкнул командир. – Я чую его! Еще до заката он будет в наших руках! Вот тогда отдохнете!

Он прибавил шагу – и лейтенант послушно пошел за ним.

Прошел еще час. Сырая почва предательски скользила под ногами, сапоги стали тяжелыми от воды, но дон Педро шагал как заведенный. И впереди него неумолимо бежал проводник-индеец, то и дело припадая к земле, чтобы взять след, или осматривая сломанную ветку дерева возле тропы.

Начало темнеть, и тут проводник насторожился.

Он свернул с тропы, подошел к дону Педро, низко склонился и сказал прерывающимся от волнения голосом:

– Он там, за теми деревьями! Он все же сделал привал, чтобы женщина смогла покормить ребенка!

– Ну, так веди нас туда!

– Нет, господин, я не могу показаться на глаза Великому! – пролепетал индеец, и бледность проступила через его бронзовую кожу. – Я, ничтожный раб, недостойн лицезреть его светлое лицо!

– Ты дурак, индеец! – процедил дон Педро и ткнул проводника носком сапога. – Ты предал своего короля, привел нас к нему – а теперь не смеешь показаться перед ним!

– Я не предатель! – Проводник выпрямился, его голос стал тверже. – Сапа Инка казнил моего отца, и я совершил возмездие, отдав его в ваши руки. Но он – Великий Инка, и мне, ничтожному, нельзя появляться перед ним.

Дон Педро поморщился.

Он не понимал этих людей и не любил все то, чего не понимал.

Пожалуй, он убил бы этого проводника за глупость и заносчивость, но тогда ему с отрядом не выйти из джунглей, не дойти обратно до Вилькабамбы.

Он еще раз пнул проводника сапогом и направился в ту сторону, где, по словам индейца, находилась его дичь.

Дон Педро раздвинул ветви дерева маракайба и увидел маленькую лесную поляну, напоминающую полутемную часовню. Посреди поляны горел костер. Возле костра сидела юная женщина, закутанная в шерстяной плащ. На руках у нее покоился ребенок – чудесный бронзовый младенец, присосавшийся к материнской груди.

Дон Педро невольно залюбовался этой картиной.

Он вспомнил потемневшие от времени изображения Мадонны в соборе своего родного Кадикса. У Девы Марии было такое же светлое, такое же сияющее лицо...

С трудом отведя глаза от юной индеанки, дон Педро взглянул на ее спутника.

Очень худощавый молодой индеец сидел возле костра, скрестив ноги, и смотрел перед собой загадочным непроницаемым взглядом. Взглядом бронзовой маски, древнего божества. Взглядом земного воплощения бога солнца Инту, каковым считался Верховный Инка.

Молодой?

Дон Педро усомнился в первом впечатлении. Возможно, этот человек вовсе не так молод. На неподвижном бронзовом лице читалась печать древнего знания,

древней мудрости, древнего величия.

Неужели это он, Великий Инка, Сапа Инка на языке индейцев кечуа, последний владыка великой Империи Четырех Стран, как называли ее сами инки?

Империя простиралась на огромных просторах Южной Америки, в нее входили земли народов моче и уари, чиму и аймаро, наска и грозных чачапояс, Воинов Туч, обитающих в неприступной горной крепости Куэлап. Его государство во много раз превосходило размерами старую Испанию, исконные владения Его Католического Величества. В его владениях были скалистые горы и бесплодные пустыни, непроходимые джунгли и бескрайние степи. На четыре огромные провинции делилась империя, и четыре дороги выходили из древней столицы Куско, где сейчас разместилась резиденция его высочества вице-короля дона Франсиско де Толедо...

По этим четырем дорогам день и ночь тянулись бесконечные караваны, которые несли в провинции волю императора, его приказы и повеления, день и ночь шли отряды его воинов и кортежи его чиновников. По этим же дорогам бесконечным потоком шли в столицу подати из четырех провинций – золото, серебро, ткани, оружие, скот. Все богатства огромной страны.

В каждой провинции была своя столица, куда стекались подати и налоги, где находился храм Солнца и ювелирные лавки, литейные и оружейные мастерские, большие постоялые дворы и склады. В каждой провинции был представитель Верховного Инки – губернатор, человек из знатного рода, головой отвечавший за порядок на своей территории и за сбор налогов, в каждой провинции были счетоводы, называемые кипумайоки, которые при помощи узелкового письма кипу вели строгий учет податей и доходов, скота и рабочей силы. Этот учет был поставлен столь хорошо, что нельзя было утаить от властей ни одной мелкой монеты, ни одной вязанки дров.

Этим же узелковым письмом были подробно записаны все события и происшествия в провинции, этим же письмом отмечалось, сколько людей родилось и сколько умерло в каждом селении и в каждой местности за прошедший год.

Этим же письмом были записаны законы инков, и соблюдались эти законы так строго и неукоснительно, что во всей огромной империи не знали воровства и

убийств, взяток и беззаконий, и богатый человек, уходя из дому на долгие недели, не запирает дверей, а лишь ставит возле них палку с вырезанным на ней значком – и, вернувшись, находил свое добро в целости и сохранности.

Увидев такой порядок в завоеванном государстве, один из католических священников записал в своем отчете, который отправил в Мадрид: «По правде говоря, мало народов в мире имеет лучшие законы и лучшее правление, чем у инков».

И вот эта огромная, богатая и процветающая империя пала под ударами испанских солдат, развалилась, как картонный домик от порыва ветра.

Сорок лет назад дон Франсиско Писарро, узнав от индейцев о великой и богатой империи инков, пришел на побережье Перу с двумя сотнями солдат и тридцатью лошадьми. Кроме солдат и коней, с ним пришли еще два страшных, непобедимых союзника – оспа и корь, которые многими тысячами косили индейцев. Обманом и хитростью дон Франсиско захватил Верховного Инку Атауальпу, и через четыре года пала столица империи Куско.

Наследник Атауальпы Манко Инка Юпанка с небольшим количеством приверженцев скрылся в горной крепости Вилькабамба, где инки правили еще тридцать пять лет.

Испанцы не хотели оставить им и этого последнего оплота.

Вице-король Перу дон Франсиско де Толедо послал двух доминиканских монахов на переговоры с Верховным Инкой.

Во время этих переговоров император Титу Куси умер.

В народе распространился слух, что правителя отравили испанские монахи. Оба доминиканца были схвачены и казнены. На трон взошел младший брат Титу Куси – Тупак Амару. Пограничные земли между землями инков и испанскими владениями были заняты воинами Верховного Инки.

Испанцы еще не знали о смерти прежнего императора и послали еще двух послов для ведения переговоров. Эти послы были убиты одним из командиров

ИНКОВ.

Узнав об этом, вице-король дон Франсиско де Толедо объявил Верховному Инке войну.

Он заявил, что тот нарушил закон, соблюдаемый всеми народами мира, – закон о неприкосновенности послов. Используя этот повод, он решил напасть на инков и захватить Вилькабамбу.

Небольшой отряд испанцев занял мост на границе, и началась короткая и беспощадная война.

Инки верили в победу и первыми атаковали испанцев, однако те встретили их огнем пушек и заставили отступить.

Атаки повторялись раз за разом, инки несли страшные потери, но не сдавались и снова шли в бой. Наконец артиллерийским огнем был разрушен форт инков Гайана Пукару, и испанские войска вошли в опустевшую Вилькабамбу...

И вот последний Верховный Инка, последний потомок Атауальпы Тупак Амару бежал из своей горной столицы и, как дикий зверь, скрывается в непроходимых джунглях...

Дон Педро вышел на поляну, подошел к костру, положив руку на рукоять меча.

– Все кончено, Тупак Амару! – проговорил он, с невольным уважением глядя на индейца. – Ты – пленник Его Католического Величества, короля Испании и Обеих Индий.

Ни один мускул на лице Верховного Инки не шевельнулся, ни одного звука он не издал.

Он смотрел прямо перед собой, смотрел на огонь костра, но, должно быть, видел в этом огне свою пылающую столицу, бывшее величие империи инков и ее кровавый закат.

– Все кончено! – повторил дон Педро Картехо-и-Леон и положил тяжелую руку на плечо Верховного Инки.

Тупак Амару поднялся, взглянул на своего противника и проговорил удивительно спокойным голосом:

– Сохрани жизнь моей дочери.

– Обещаю тебе, – ответил дон Педро.

И это были не пустые слова: этот человек, выросший в портовых трущобах, никогда не бросал слов на ветер.

На поляну вышли испанские солдаты.

Один из них подошел к Тупаку Амару и хотел связать ему руки, но Верховный Инка взглянул на испанца холодным презрительным взглядом – и тот отошел, как будто взгляд обжег его.

Вместе с испанцами на поляну выскользнул проводник-чунко. Он не посмел взглянуть на низвергнутого владыку. Опустившись на колени, он ткнулся лбом в землю и зажмурил глаза, чтобы не ослепнуть от сияния власти и величия.

Скользнув по нему безразличным невидящим взглядом, Тупак Амару зашагал в сторону своей разграбленной, обезлюдевшей столицы Вилькабамбы, не обращая внимания на испанский конвой. Он шел неумолимо, безостановочно, равнодушно, словно не задумываясь, что ожидает его в конце пути.

Однако это была только видимость равнодушия: как только притупилось внимание испанских солдат, одурманенных монотонностью пути и свинцовой усталостью, Тупак Амару поравнялся со своей юной женой.

Женщина покорно шла следом за своим мужем и повелителем, прижимая к груди новорожденную дочь. Лицо ее казалось полусонным. Но как только муж прикоснулся к ее плечу, взгляд принцессы вспыхнул, дыхание участилось.

– Слушай меня, жена моя, сестра моя! – прошептал Верховный Инка, косясь на конвойных. – Слушай и запоминай мои слова! Мне осталось жить совсем немного, испанский правитель не пощадит меня. Но ты должна остаться в живых, ты должна сберечь жизнь нашей дочери. И еще... еще ты должна сохранить вот это! – незаметным жестом Тупак Амару передал принцессе связку разноцветных нитей, унизанных узелками, – узелковое письмо-кипу.

– Ты должна беречь это письмо как зеницу ока, ибо оно сохранит священную тайну, которая рано или поздно вернет нашим потомкам могущество!

– Я слышала твои слова, муж мой и повелитель! – прошептала женщина, почти не разжимая губ и пряча письмо-кипу в складках своего плаща. – Я слышала твои слова и исполню все, что ты мне приказал, как если бы это был приказ божества!

Тупак Амару обогнал жену и пошел вперед, не оборачиваясь. Больше он не проронил ни слова до самой Вилькабамбы.

На следующее утро вся группа сразу после завтрака собралась на террасе отеля. Публика была одета по-походному: предстояла переправа на лодках через водохранилище к руинам расположенного напротив замка Ферштын. «Голубочки», как всегда, держались за руки и обменивались ласковыми взглядами, Усатый Пан выглядел особенно невыспавшимся и недовольным. Его жена сменила наконец платье в горошек на брючный костюм в полоску.

– А вы что же не готовы? – осведомилась Мымра у Али и Даши, которые держались в сторонке от почтенной публики.

– А мы не хотим туда ехать, – ответила за двоих Дарья в своей обычной энергичной манере. – Ну что, в самом деле, еще одни руины... мы этих руин насмотрелись на всю оставшуюся жизнь!

– Зря вы так, – проговорила Мымра неодобрительно. – Там, говорят, один из самых древних замков в Польше... ему почти восемьсот лет! Или даже девятьсот...

– Значит, еще больше развалился... – вздохнула Даша и добавила: – И вообще – у моей подружки голова болит, а у меня аллергия...

– На что? – Мымра удивленно посмотрела на румяное и пышущее здоровьем Дашино лицо.

– На все, что старше пятнадцатого века! – И Даша выразительно посмотрела на Мымрину коричневую кофту.

Та наконец отстала от подруг и присоединилась к остальной группе, которую озабоченная пани Малгожата, пересчитав по головам, повела к автобусу.

Оставшись одни, подружки переглянулись.

– Ох, не нравится мне все это! – проговорила Аля, проводив автобус грустным взглядом.

– А мне нравится! – Даша потерла руки. – Обожаю приключения! И вообще, не будь трусихой!

Сделав выводы из вчерашней истории с брюками, подружки оделись попроще. Брюки, разумеется, не отстирались, только пятно стало больше. Але пришлось надеть джинсы, хоть и жарковато, Дашка же натянула на себя необъятный серо-розовый комбинезон и сказала, что он очень изысканного цвета пятки убегающей нимфы. Аля никогда в жизни не видела пяток убегающих нимф, как и других частей их тела, но поверила подруге на слово.

Они прихватили бутылку воды и отправились к дороге. Маршрутка появилась очень скоро, но тут начались неприятности: водитель доехал до старинного костела и остановился. Даша пыталась с ним объяснить, но он говорил на чудовищной смеси польского, словацкого и венгерского языков, и из всех его объяснений удалось понять только, что здесь кольцо, к замку маршрутки не ходят, и никакого другого транспорта тоже нет, так что оставшиеся восемь километров нужно идти пешком по очень живописной дороге.

– Восемь километров?! – ужаснулась Аля. – Это так далеко!

– Подумаешь! – легкомысленно ответила подруга. – Ты посмотри, какая дорога красивая!

– Да, но нам потом столько же придется идти назад!..

– Проблемы надо решать по мере их поступления! – отмахнулась Дашка и бодро двинулась вперед.

Дорога и впрямь была очень живописная. Она извивалась по холмам, с обеих сторон открывались чудесные виды на цветущую речную долину и заросшие лесом невысокие горы. Однако через полчаса Даша еле плелась, тяжело дышала и выглядела далеко не так жизнерадостно, как вначале.

– Я же говорила, что не дойдем! – проговорила Аля, оглянувшись на подругу.

Она хотела добавить, что лишний вес тоже дает себя знать и кое-кому не мешало бы посидеть на диете, но пожалела подругу, которой и без того было несладко.

И тут из-за поворота дороги показалась телега, запряженная маленькой мохнатой лошадкой. На передке сидел усатый крестьянин с большим красным носом и во весь голос пел.

– Пан! – бросилась к нему Дашка, мгновенно приободрившись. – Вас нам Богородица послала! Не в Легнице едет пан?

– В Легнице, в Легнице! – радостно закивал тот, плотоядно оглядывая пышную Дашкину фигуру. – Садитесь, паненки, я вас в два счета домчу! Быстрее, чем на авто! Моя лошадка очень резвая, паненки сейчас в этом убедятся!

Даша облегченно вздохнула и взгромоздилась рядом с возницей, Аля кое-как примостилась на свободном месте. Впрочем, места ей едва хватило.

Лошадка плелась еле-еле, особенно после того, как на телеге появилась Дашка со всеми своими килограммами, так что дорога до Легнице заняла у них больше часа. По пути возница пытался объяснить Дашке в любви, предлагал ей грушевый самогон (у него в телеге была огромная оплетенная бутылка) и даже

звал замуж. Дашка от самогона и от замужества отказывалась, но хихикала, как школьница, и получала от всего этого массу удовольствия. Аля любовалась пейзажами и думала, как они доберутся обратно.

Вскоре из-за деревьев показалась мрачная громада замка, карабкающаяся по склону холма.

Возница вдруг забеспокоился, поводя своим красным носом, и вполголоса сказал, что паненкам лучше покинуть телегу. Аля соскочила без разговоров, а Дашка продолжала хихикать и кокетничать, как вдруг из кустов выкатилась немолодая тетка в вышитой кофте. Тетка была, пожалуй, еще толще Дашки. Увидев ее на телеге, она подбоченилась и напустилась на обоих – на возницу, который оказался ее мужем, и на Дашку, которая, по ее словам, охоча до чужого...

– Что ж ты, дядя? – укоризненно проговорила Даша, слезая с телеги. – Как же ты меня при живой жене замуж звал?

Возница пытался оправдываться на два фронта, а подруги, хохоча, устремились в ворота замка.

В замковом дворе среди кустов жасмина они нашли будочку кассы, купили билеты и вошли внутрь.

У входа на продавленном стуле сидел вчерашний экскурсовод. За неимением публики он дремал, накрыв лицо бейсболкой с надписью «Я люблю тяжелый рок». При появлении подруг он подскочил, протер глаза и начал:

– Легницкий замок был сооружен в первой половине четырнадцатого века с целью защиты северных рубежей Венгрии. В середине пятнадцатого века жупан этого района Ласло Захонек пристроил к основному зданию Нижний замок...

– Не напрягайся, – остановила его Даша. – Мы все это уже слушали вчера, а сейчас пришли еще раз взглянуть на замок, уж очень понравился... так что мы, с твоего разрешения, сами тут походим, посмотрим...

- Только не ходите в нижнюю галерею! - предупредил их парень, отрывая контроль. - Там свод ненадежный, в любую минуту может обвалиться!

Подруги его уже не слушали - они поднимались по крутой деревянной лестнице во внутренние покои.

- Мы находимся в Гербовом зале, где вы можете видеть полотнища с гербами всех владельцев замка, - проговорила Дашка, зажав нос, чтобы получилось похоже на экскурсовода.

Вышло действительно похоже, и подруги рассмеялись.

Правда, Аля быстро перестала смеяться: мрачные холодные стены не способствовали веселью.

- Ну, и куда теперь? - проговорила она, зябко поежившись.

- Сейчас сверимся с нашей инструкцией! - Даша вытащила из кармана билет и удивленно уставилась на него.

- «Отделить три яичных белка от желтков, взбить до образования пышной пены, добавить порошок ванилина...»

- Дашка, это явно не то! - прервала Аля подругу.

- Сама вижу... - пробормотала та недоуменно и вдруг хлопнула себя по лбу: - Ах, ну да, это мне вчера Мымра продиктовала рецепт рождественского печенья! Значит, это не тот билет, это мой...

- А где же тот? Надеюсь, ты его не потеряла?

- Обижаешь! - Дашка полезла в другой карман. - Я никогда ничего не теряю, ты же знаешь мое любимое правило - подальше положишь, поближе найдешь... да где же этот чертов билет?

Она выгребла из карманов своих широченных штанов несколько трамвайных и автобусных билетов, не меньше десятка разноцветных конфетных фантиков и

кучу прочего мусора.

– Никогда ничего не выбрасываешь? – проговорила Аля, постепенно накаляясь. – Наверняка посеяла!

– И ничего не посеяла! – победно воскликнула Дашка, размахивая музейным билетом. – Я же говорила – подальше положишь, поближе найдешь! Вот он, наш билетик!

Она поднесла билет к свету и прочла загробным голосом:

– «От стрелы Халявских отмерить двенадцать шагов, в полдень верхний угол укажет проход. Пройти двадцать шагов, найти чистое создание. Провести линию от кончика рога до стены, отсчитать шестой камень и нажать...»

– Что за ахинея!.. – воскликнула Аля. – Зачем я тебя послушалась! Поехали бы с остальными в этот замок... как его...

– Ага, выслушивать болтовню экскурсовода с комментариями нашей Мымры? Нет, я этим уже сыта по горло!

– И что ты теперь собираешься делать? Как понимать всю эту галиматью? По-моему, это бред сумасшедшего...

– Тем не менее этот билет человек отдал тебе перед смертью! – Даша посерьезнела. – Для него это было очень важно, так что, наверное, в этом что-то есть...

– Знать бы только что! – вздохнула Аля. – Ну-ка, дай посмотреть... что такое «стрела Халявских»?

– Черт его знает... – Даша огляделась по сторонам, потом задрала голову. – Мы же сейчас в Гербовом зале, где вывешены полотнища с гербами всех владельцев замка...

– Ой, Дашка, не начинай! – взмолилась Аля. – Ты это уже сегодня говорила, третий раз уже не смешно! Не надоело тебе передразнивать экскурсовода?

– А я никого не передразниваю! – Даша ткнула пальцем в одно полотнище, потом в другое. – Он говорил, что здесь герб Хорватов, здесь – Захонеков, ну, тех, которые пристроили Нижний замок... или Средний, я уже точно не помню... а здесь... ну да, точно, здесь – герб Халявских!

– Надо же, как ты все запомнила! – с уважением признала Аля. – Какая у тебя память!

– Ага, а не ты ли вчера говорила, что я запоминаю всякую ерунду! Так, что там написано: «От стрелы Халявских отсчитать двенадцать шагов...» И где она, эта стрела?

Дашка поднялась на цыпочки и принялась разглядывать полотнище с изображением герба. Аля присоединилась к подруге.

На гербе был изображен красивый голубой щит, в верхней части которого плыл по серебряному морю маленький зеленый кораблик, а в нижней паслась симпатичная золотистая овечка. Над щитом расположился какой-то непонятный зверь – то ли тигр, то ли леопард, и еще выше – рука в железной рыцарской перчатке, и эта рука... да, эта рука сжимала золотую стрелу!

– Ну, вот она, стрела! – неуверенно проговорила Аля, запрокинув голову. – И что теперь?

– А теперь нам нужно отсчитать от нее двенадцать шагов... стрела упирается как раз в левый край полотнища, значит, нужно найти на полу то место, которое находится как раз под этим краем, и отсчитать двенадцать шагов...

– А в какую сторону? – Аля с сомнением уставилась на каменный пол, вытертый ногами сотен туристов.

– Ну, ясно же, в какую! – Энтузиазм Даши ничуть не убывал. – В ту, куда стрела указывает...

Она встала под краем полотнища и зашагала через зал, громко отсчитывая шаги:

- Один, два, три, четыре... двенадцать!

Остановившись почти посередине зала, она в растерянности огляделась по сторонам.

- Ну, и что теперь? - с насмешкой произнесла Аля.

- Сейчас посмотрим... - Даша достала билет и с выражением прочитала: - «В полдень верхний угол покажет проход...»

- И где, интересно, этот верхний угол?

- А сколько сейчас времени? - Даша взглянула на часы. - Вот черт, мои часы остановились...

- В этом ты вся! - осуждающе проговорила Аля. - Наверняка забыла вовремя поменять батарейку... а времени сейчас одиннадцать пятьдесят четыре.

- Ну, видишь, как все удачно складывается! Нам придется подождать всего шесть минут. Хорошо, что не опоздали!

- Ну-ну! - недоверчиво протянула Аля. - Шесть минут подождать, конечно, можно, только я как-то не уверена... и вообще, кажется, мои часы немножко отстают...

- Ой, смотри! - воскликнула вдруг Даша, обернувшись к узкому стрельчатому окну.

Между двумя башнями замка, видневшимися в этом окне, появился ослепительный диск солнца. Золотой поток хлынул в старинный оконный переплет, и на каменном полу Гербового зала проступил яркий рисунок, повторяющий узор готического окна.

- Точно, отстают на пять минут! - проговорила Аля задумчиво. - Надо будет переставить...

- Да брось ты свои часы, - перебила ее подруга. - Смотри сюда!

- Зачем же бросать... - Аля подошла к ней. - Хорошие часы, швейцарские, а если даже немного отстают, это еще не повод... что тут у тебя?

- Вот он, верхний угол! - Даша гордо показала выступивший на полу цветной узор. - Наверное, только в полдень он становится виден и показывает проход...

Она, как зачарованная, пошла в направлении, которое указывал верхний угол оконного узора, и вскоре подошла к стене зала.

- Ну, что там? - окликнула ее Аля.

- Иди сюда! - Даша, не оборачиваясь, поманила подругу.

Та нерешительно подошла к ней и увидела: в том месте, на которое указал световой узор, мрачная каменная стена немного отступала в глубину, создавая как бы неглубокую нишу, незаметную со стороны. Даша шагнула вперед... и тут же исчезла.

- Эй, ты где? - окликнула ее Аля.

- Да здесь я, здесь! - донеслось откуда-то из стены. - Шагай вперед, увидишь!

Аля шагнула вперед и увидела, что ниша глубже, чем кажется со стороны, а сбоку в ней есть узкий проем, из которого, пыхтя, выглядывает Даша и манит ее рукой.

- Заходи... - проговорила Даша, пятась. - Только здесь узко...

- Кому как! - Аля легко проскользнула вслед за подругой.

К счастью, дальше проход расширялся и переходил в довольно широкий полутемный коридор, скрытый в глубине стены.

- Ну вот, - Даша обернулась к подруге, на лице ее сияло откровенное торжество. - Видишь, он все написал правильно! А ты сомневалась...

– И что теперь будет? – протянула Аля. – Попали мы в этот коридор, а дальше-то что?

– Для начала нам нужно пройти двадцать шагов... пять мы уже прошли, так что осталось пятнадцать... – И Дашка зашагала вперед, громко отсчитывая шаги.

– Восемнадцать, девятнадцать, двадцать!..

На этот раз Аля ничего не сказала, потому что на стене прямо перед ними оказался удивительно красивый гобелен. Несколько дам и девушек в длинных средневековых платьях и высоких шляпах, окутанных вуалями, расположились на траве, играя на разных музыкальных инструментах. Среди них, ничуть не боясь, прогуливались зайцы, олени, косули и какие-то другие животные. В траве пестрели цветы, кое-где алели ягоды земляники.

– Здорово! – проговорила Аля восхищенно. – Так что, выходит, тот человек хотел направить нас к тайнику, где спрятан гобелен?

– Не думаю! – Даша в раздумье наморщила лоб. – Ты видишь – здесь почти нет пыли? Уж средневековую пыль-то я бы наверняка почувствовала!

– При чем тут пыль?

– При том, что здесь явно не так давно убирали. Тайник не очень-то надежный, его наверняка давно уже нашли. Кроме того, инструкция еще не кончилась!

Даша снова достала билет и прочитала последние фразы:

– «...Найти чистое создание. Провести линию от кончика рога до стены, отсчитать шестой камень и нажать...» Черт его знает, которая из этих дамочек чистое создание...

– При чем здесь дамы? – перебила ее Аля. – Тем более что тут говорится о роге...

– Ну, может, одной из них муж изменяет, – хихикнула Даша.

– Да брось ты! – отмахнулась Аля. – Я где-то читала, что в Средние века символом чистоты считался единорог!

Подруги осмотрели гобелен и среди прочих двуногих и четвероногих созданий очень быстро обнаружили белого как снег единорога, который мягкими губами ел что-то с ладони одной из девушек.

– Ну, вот оно, чистое создание... – проворчала Аля. – Что там нужно? Провести линию от кончика рога до стены? Попробуй проведи!

Она приподнялась на цыпочки и повела пальцем от кончика закрученного белого рога до холодной каменной стены коридора.

– И в какую сторону надо отсчитывать шестой камень? Вверх, вниз, вправо, влево?

– Влево не получится, – успокоила ее Даша. – Слева у нас гобелен. И вверх тоже не выйдет – там уже близко потолок. Так что остается вниз и вправо...

Аля отсчитала шестой камень вниз, нажала на него... и ничего не произошло. Тогда она двинулась вдоль стены направо, считая каменные глыбы.

Шестой камень ничем не отличался от всех остальных.

Аля нажала на него, насколько хватило сил, но камень остался на месте. С таким же успехом можно было попытаться сдвинуть с места сам замок вместе с горой, на которой он стоит.

– Ну, и что теперь? – Аля повернулась к подруге.

Та стояла, широко открыв глаза, и показывала пальцем на что-то за Алиной спиной. Вместо слов она издавала какие-то нечленораздельные звуки.

– Ну, что такое? – недовольно проговорила Аля и проследила за ее взглядом.

В стене коридора, на высоте человеческого роста, открылся небольшой темный проем. Он был в стороне от того камня, на который нажала Аля, видимо, камень

был защелкой или замком, открывающим потайной проем.

- Тайник! - воскликнула Дашка, обретя наконец дар речи. - Тайник! Мы нашли тайник!

Алин скептицизм был посрамлен.

Они действительно нашли тайник, в этом не приходилось сомневаться.

- В нем, наверное, спрятаны драгоценности средневековых польских магнатов! - мурлыкала Дашка, медленно подходя к тайнику. - Или даже королей!

Представляешь себе, мы найдем королевскую корону, усыпанную рубинами и бриллиантами, или жемчужную диадему... или изумрудный фермуар...

- Фермуар? - переспросила Аля насмешливо. - А что такое фермуар?

- Понятия не имею! - Даша пожала плечами. - Но звучит очень красиво. Мне с детства нравятся красивые непонятные слова...

- Слушай, подруга, мне кажется, наше с тобой детство очень давно миновало, пора бы уже повзрослеть! А что касается тайника, то он, по-моему, маловат. Вряд ли в нем поместятся сокровища королей. Разве что какое-нибудь очень маленькое сокровище. Ну, давай же поглядим, что там!

- Не могу! - Даша стояла перед тайником, зажмурив глаза и мечтательно улыбаясь. - Пока мы не заглянули - я представляю себе множество удивительных вещей, которые там могут храниться, а когда проверим - окажется, что там что-нибудь совсем неинтересное... или вообще ничего! Представляешь, как будет обидно?

- Ну, давай же!

- Проверь сама, я не могу! - Даша отступила в сторону, уступив место подруге.

Аля вздохнула, укоризненно взглянула на нее и запустила руку в тайник.

– Ну, что там? – Даша дышала ей в спину и нетерпеливо переступала с ноги на ногу. – Ну, что? Есть что-нибудь?

– Не пойму... – пробормотала Аля, шаря рукой в каменном углублении. – Кажется, что-то есть... Ой!

– Что такое? – Даша привстала на цыпочки, пытаясь заглянуть через плечо подруги. – Что случилось?

– Да ничего не случилось, там паук, а я совершенно не выношу пауков... вот, все-таки есть! – И Аля с победным видом вытащила из тайника небольшой круглый предмет, покрытый паутиной.

– Что это? Что? Дай посмотреть! – Даша горящими глазами уставилась на находку.

– Во всяком случае, не королевская корона! – проговорила Аля. – И... и не фермуар. У тебя есть салфетки?

– Вот, носовой платок! – Даша подала подруге платок не первой свежести. Аля взглянула на него брезгливо, однако осторожно вытерла паутину с находки и показала ее подруге.

Это была красивая круглая коробочка из тускло отсвечивающего золотисто-зеленого металла, покрытая какими-то надписями и рисунками. В верхней части коробочки было круглое углубление, разделенное на шестнадцать частей, с надписями, в середине этого углубления на остром шпенечке слегка покачивалась черная металлическая стрелка.

– Ты знаешь, что это такое? – произнесла Аля после секундной паузы. – Это компас, старинный компас!

– Компас? – В голосе Даши прозвучало разочарование. – Ты уверена?

– Ну да, конечно! Вот стрелка, а вот надписи – если я правильно понимаю, они обозначают стороны света. Север, запад, юг, восток... ну, и еще промежуточные – северо-восток и прочие...

– А что? – Даша, которая секунду назад казалась разочарованной, снова оживилась. – Старинный компас, который принадлежал какому-нибудь пирату... или знаменитому мореплавателю! Может быть, самому Колумбу! Или... Магеллану! Во всяком случае, он очень красивый... может быть, даже золотой!

– Нет, вряд ли! – охладила Аля Дашин пыл. – Видишь, металл позеленел, а золото от времени не меняется. Мне кажется, это бронза. Во всяком случае, вещь действительно старинная и красивая. Думаю, нужно отдать его здешним сотрудникам, они исследуют этот компас, узнают, кому он принадлежал, и поместят его в музей...

– А вот фиг! – неожиданно возмутилась Дашка. – Моя находка, никому ее не отдам! – Она немного смутилась и добавила: – Ну, разве что только тебе, мы ведь вместе нашли... Представляешь, как потом будет интересно разглядывать его, вспоминать наше сегодняшнее приключение... – Она просительно заглянула в Алины глаза и проговорила: – Ну, Алька, давай оставим его себе! Он же ведь даже не золотой, так что не может быть таким уж дорогим!

– Перестань! – строго одернула Аля подругу. – Представляешь, что будет, если его найдут у нас на границе? Это же наверняка историческая ценность!

– Да брось ты! – отмахнулась Даша. – У тебя когда-нибудь проверяли на границе багаж? Нет! И у меня тоже!

– Все когда-нибудь случается впервые! И потом, я всегда шла через зеленый коридор с чистой совестью, поэтому была спокойна, а пограничники такие вещи чувствуют...

– Да ладно тебе. Нам еще не скоро проходить таможенный контроль! Все как-нибудь решится...

– Нет, нет и нет! Мы сейчас же отдадим этот компас кому-нибудь из здешних сотрудников... ну, хоть тому экскурсоводу!

– Скучная ты! – обиженно проговорила Даша. – Нет в тебе размаха! Полета нет!

– Зато в тебе этого добра вполне хватает на двоих! – И Аля, оставив за собой последнее слово, зашагала обратно по потайному коридору. Дашка тащилась за ней, обиженно что-то бухтя.

Через несколько минут они уже вернулись в Гербовый зал.

– Ну, вот он, экскурсовод... – проговорила Аля. – Сейчас мы...

– Стой! – зашипела Даша, вцепившись в плечо подруги. – Ты посмотри, он с кем-то разговаривает!

Действительно, в дальнем конце зала вечно простуженный тип в надвинутой на глаза бейсболке вполголоса разговаривал с сутулым мужчиной средних лет. Аля пригляделась к собеседнику экскурсовода и узнала в нем мужчину, который накануне следил за Тайным Агентом. Того самого, который едва не столкнулся с Алей в замковом коридоре перед тем, как она нашла на полу умирающего Агента... Она не сразу его узнала, потому что вчера сутулый был одет в скромную футболочку и весьма заношенные джинсы, а сегодня – в дорогой льняной костюм. Несмотря на костюм, вид у сутулого был такой же подозрительный, как вчера.

– Экскурсовод с ним в сговоре! – зашептала Даша и оттащила подругу за полотнище с гербом. – Ни в коем случае нельзя отдавать ему нашу находку!

– Да мало ли, с кем он болтает! – ответила Аля. – Он и с нами разговаривал...

Впрочем, в ее голосе не было прежней уверенности. Действительно, экскурсовод общался с сутулым как с хорошим знакомым. Беседа шла вполголоса, оба то и дело подозрительно оглядывались по сторонам, будто боясь, что их подслушают. В общем, вели себя как преступники, учитывая вчерашние события.

– Надо подобраться к ним поближе! – зашептала Даша. – Подобраться и подслушать!

Аля не успела ничего возразить, как подруга потащила ее, прячась за пыльным полотнищем, в тот конец зала, где разговаривали двое мужчин. Аля пыталась возражать, упираться, но это было бесполезно: когда Дарья что-то вбивала себе

в голову, остановить ее невозможно, как невозможно остановить бегущего носорога, тем более что они с Дашей были почти в таких же разных весовых категориях, как с носорогом.

Когда полотнище, за которым они прятались, кончилось, Дашка перебралась за следующее, потом – еще за одно, с каждым шагом постепенно приближаясь к экскурсоводу и его подозрительному собеседнику.

Первое полотнище было пыльным, но следующее – еще больше, и чем дальше, тем больше пыли оказывалось на этих исторических тряпках. Именно тут Аля поняла, что значит выражение «пыль веков». Наверняка средневековые шторы не чистили лет триста, а то и все пятьсот.

Под последним полотнищем у Али невыносимо зачесалось в носу. Она покосилась на подругу и потерла нос, чтобы не чихнуть. Как раз сейчас они подобрались к подозрительным мужчинам так близко, что могли услышать разговор.

– Не стоит вам тут вертеться, пан Войцех! – говорил экскурсовод, как обычно, простуженным, гнусавым голосом. – В замке уже была полиция, они расследуют смерть русского профессора, так что вам лучше залечь на дно, пока все не затихнет...

– Я сам знаю, когда и что нужно делать! – огрызнулся сутулый тип, которого экскурсовод назвал паном Войцехом. – Когда закончим наши дела, тогда и залягу, а сейчас не время.

В этот момент Аля не удержалась и чихнула. Даша ткнула ее в бок кулаком и раздраженно зашипела:

– Что, обязательно чихать в самый неподходящий момент?

– Что я, виновата, что здесь столько пыли! – зашептала Аля. – Я же не нарочно! И переведи мне, о чем они говорят!

– Нарочно или не нарочно, а только нас теперь обнаружат! – разозлилась Дашка и не подумала переводить.

Однако пан Войцех, услышав чих, недовольно уставился на экскурсовода:

- Чем учить меня, лучше бы свою простуду наконец вылечил! На дворе июль, а ты вечно простужен!

Экскурсовод недоуменно пожал плечами, хотел возразить, но тут он тоже громко чихнул. Шумно высморкавшись в клетчатый платок, он пробормотал:

- Здесь, в замке, круглый год такая сырость... А вообще, пан Войцех, поторопились вы с паном профессором... надо было сперва все у него вызнать...

- Опять лезешь не в свое дело! - резко оборвал его Войцех. - Говорил же я, что никого не трогал! Я только вошел в ту часовню, гляжу - а он валяется мертвый... Не хватало еще, чтобы меня застали над трупом... Лучше скажи, где сегодня русская группа?

- Уехали в замок Ферштын, - ответил экскурсовод.

Он хотел еще что-то добавить, но сутулый тип уже не слушал его. Он быстро шагнул в дальний конец зала.

- Пан Войцех, пан Войцех! - безуспешно окликал его экскурсовод. - Те две паненки...

Но сутулый тип уже скрылся в боковом коридоре - том самом, в который не пускали обычных экскурсантов.

- Пойдем за ним! - зашептала Даша. - Надо проследить, узнать, кто он такой!

- Это еще зачем? - попыталась Аля остановить подругу.

- Ты слышала, что сказал этот простуженный осел? Это он убил того человека! Пана профессора! Ну да, ты же сама говорила, что столкнулась с ним в коридоре... так что все сходится!

- Сходится... - вяло кивнула Аля, хотя и знала, что с Дашей ни в коем случае нельзя соглашаться, и тут же спохватилась: - Да ничего не сходится! Он же

сказал, что профессор уже умер...

- Все наврал! - отмахнулась Дашка. - Ты же сама после этого с профессором общалась, он тебе билетик отдал... Тут, моя милая, никому нельзя верить!

- Да, пожалуй... - согласилась Аля.

- Вот видишь! - бурно обрадовалась Дашка и поспешила вслед за паном Войцехом. - Он явно ищет тот самый компас, что нашли мы! Теперь нужно узнать, за каким чертом он ему понадобился!

Але ничего не оставалось, как тащиться следом за ней, как баржа за буксиром.

Они вошли в боковой коридор как раз вовремя, чтобы успеть заметить в дальнем конце сутулый силуэт. Пан Войцех немного притормозил на повороте и свернул налево. Подруги прибавили ходу - точнее, прибавила ходу Даша, а Аля безвольно плелась за ней, обдумывая события последних дней и свое поведение.

«Ну почему я никогда не могу настоять на своем? - думала она тоскливо. - Почему всегда иду на поводу у других? Сначала - Максим. Ведь я хотела на теплое море, а вместо этого согласилась ползать по средневековым развалинам... ну, это еще ладно, Максим есть Максим, ради него я могу поступиться своими желаниями, хотя ничего хорошего из этого не вышло. Но Дарья! Я и знаю-то ее всего несколько дней, а она тоже умудряется вить из меня веревки! Ну зачем, спрашивается, мы потащились в этот замок? Зачем гонимся за этим подозрительным типом? Пускай им занимается полиция, а у меня отпуск, и нужно использовать его по назначению! То есть отдохнуть и развлечься, а не лезть в чужие дела...»

Она хотела уже высказать все это своей новой подруге, но они как раз подошли к повороту. Даша притормозила, поднесла палец к губам и заглянула за поворот.

- Он куда-то исчез! - страшным шепотом сообщила она Але и решительно двинулась влево по коридору.

- Исчез и исчез... - проговорила Аля и хотела было добавить, что не хочет больше играть в самодеятельных сыщиков. Но тут коридор сделал еще один

поворот, стало гораздо светлее, и подружки оказались в замковом дворе.

Пана Войцеха здесь не было, зато прямо перед ними стоял экскурсовод. Посмотрев исподлобья, он произнес своим простуженным голосом:

– Паненки, я же говорил вам, что нельзя ходить по нижней галерее! Там очень опасно. Кстати, паненки, вами интересовался один пан...

– Какой еще пан? – спросила Аля, когда Даша перевела ей его слова.

Она почему-то сразу подумала про сутулого по имени Войцех.

– Пан из местной полиции, – ответил экскурсовод с каким-то странным выражением – то ли насмешливого испуга, то ли испуганной насмешки. – Вон там этот пан! – И он показал на площадку перед воротами замка, где, поглядывая по сторонам, прохаживался красивый мужчина с густыми темными волосами.

– Какой интересный мужик! – мечтательно проговорила Даша. – Красавец поляк! Вот бы с ним познакомиться!

– С ума сошла? – зашипела Аля на подругу. – Только полиции нам не хватало! Давай переведи ему! Извините, пан, – она окликнула экскурсовода, который уже направлялся к своему «рабочему месту» – стулу перед входом в замок. – А здесь нет другого выхода, чтобы не через ворота?

– Есть, – ответил экскурсовод с сомнением. – Есть подземный ход для вылазок... это такая тайная галерея, по которой в случае осады защитники замка выходили наружу, чтобы неожиданно ударить в тыл неприятеля. Только тем ходом давно никто не пользовался, может быть, он уже обвалился...

– Вот мы заодно и проверим! – услышав перевод, воскликнула Аля. – Совершим вылазку и ударим в тыл неприятелю!

– Не болтай ерунды! – остановила ее Даша. – Тем более что уже поздно думать о вылазке. Неприятель на подходе, и не такой уж он неприятель!

Действительно, интересный пан, приветливо улыбаясь, приближался к подругам.

- Ну, тогда я ему отдам компас! - прошептала Аля.

- Даже не думай! - едва слышно ответила Даша. - Тебе тогда придется рассказать про тайник, про билет, и мы сразу окажемся в числе подозреваемых!

- Глупости! Этот полицейский кажется умным, он разберется...

- Ага, может быть, и разберется, но только не так быстро. А пока длится следствие, нам придется остаться в Польше. У тебя как на работе? Проблем не будет?

Аля вспомнила, как ругался ее шеф, когда она выпрашивала отпуск... да, если она застрянет здесь надолго - он ее просто в порошок сотрет! Хуже того - уволит!

- День добрый, - проговорил, подойдя к ним, симпатичный полицейский. - Не уделят ли прекрасные пани мне несколько минут? Капрал Махотек из воеводского полицейского управления...

- Уделят, уделят, и с большим удовольствием! - воскликнула Дашка, кинувшись навстречу полицейскому. - Для вас - все что угодно!

- Вы говорите по-русски? - изумилась Аля. - И так хорошо... почти без акцента!

- Да, у меня мать русская... - ответил капрал. - В детстве я часто бывал в России...

- Как здорово! - бурно восхитилась Дашка.

- Это вы нашли вчера пана профессора Любомирского? - осведомился полицейский, слегка попятившись перед Дашиным неумеренным энтузиазмом.

- Такого лысого дядечку в золотых очках? - неизвестно зачем уточнила Даша.

- Да, да, этого самого!

- Того господина, который умер во время экскурсии в замке?

- Да, да, именно его!

- Это не я. - Даша вздохнула с сожалением. - Это моя подруга... - И она выставила вперед Алю.

- Вот как! - Полицейский повернулся к новой свидетельнице и взглянул на нее с интересом. - А позвольте спросить вас, пани, не успел ли тот человек перед смертью что-нибудь сказать или сделать?

Аля уже хотела чистосердечно рассказать все, что знала, но Дашка сделала страшные глаза, а затем, справедливо рассудив, что этого недостаточно, наступила на Алину ногу и навалилась на нее всем своим весом.

- Ой! - взвыла Аля диким голосом и запрыгала на одной ноге.

- Что случилось, пани? - удивился капрал.

- Кажется, мою подругу кто-то укусил! - проговорила Даша, округлив глаза.

- Укусил? - На этот раз в голосе полицейского прозвучала настоящая тревога. - Надеюсь, не змея? Здесь очень много ядовитых змей! Они часто живут в развалинах...

- Очень может быть, что это была змея! - заявила Даша чрезвычайно серьезным тоном. - Аля, покажи пану капралу укушенное место!

- Сама ты змея! - огрызнулась Аля. - Никто меня не кусал! Я просто подвернула ногу!

- На ровном месте? - глубокомысленно произнесла Даша. - Это надо уметь!

Капрал удивленно переводил взгляд с одной подружки на другую. Наконец он рискнул повторить свой вопрос:

– Так все же, ясновельможная пани, успел пан профессор что-нибудь сказать перед смертью?

– Ничего! – мрачно проговорила Аля, покосившись на подружку. – Сразу взял и умер!

– Вот как? – Капрал взглянул на свидетельницу, слегка прищурившись, и пригладил свою пышную шевелюру. – Жаль, очень жаль! В таком случае не смею вас больше задерживать. Однако надеюсь, что вы еще что-нибудь вспомните и позвоните мне по этому телефону...

– А вы на машине, пан капрал? – тут же вклинилась в разговор Даша. – Может быть, вы подвезете нас с подружкой до отеля? Или хотя бы до того костела, возле которого останавливается маршрутка?

– Непременно, прекрасные пани! – Полицейский галантно поклонился и проводил подруг к своей машине.

Всю дорогу до отеля Даша болтала, не умолкая, так что к концу поездки капрал Махотек был полностью в курсе всех ее жизненных обстоятельств, включая имя щенка, которого родители подарили ей на десятый день рождения.

Перед отелем он высадил подруг с явным облегчением.

– И очень правильно сделала, что ничего ему не рассказала! – заявила Даша, едва полицейская машина скрылась за поворотом шоссе. – Слава богу, ты вовремя поняла, чем нам грозит излишняя откровенность!

– Я просто сообразила, что, если ты снова наступишь мне на ногу, наверняка придется накладывать гипс!

Подруги вошли в холл отеля. Портье за стойкой регистрации взглянул на них как-то странно и снова углубился в документы.

- Наша группа еще не вернулась? – осведомилась Даша, притормозив возле стойки.

- Что? – Портье вздрогнул и снова поднял глаза. – А, нет, группа не вернулась!

Даша взяла ключ от номера, и они поднялись на третий этаж.

Открыв дверь номера, Даша попятилась и воскликнула:

- Матка Боска!

- Ты что – окончательно перешла на польский? – осведомилась у нее за спиной Аля.

- А ты загляни в комнату – может, вообще по-японски заговоришь!

Аля выглянула из-за широкого Дашкиного плеча... и выкрикнула что-то вовсе нечленораздельное.

В комнате царил самый настоящий хаос. Содержимое шкафов и чемоданов было выброшено на пол и основательно перемешано, как будто кто-то решил приготовить коктейль.

Алины скромные блузки валялись вперемешку с Дашкиными босоножками сорокового размера, которые она сама называла лыжами, Дашкина необъятная кофта на пуговицах висела отчего-то на люстре, чемодан стоял посреди комнаты, открыв пасть, как бегемот в зоопарке, собирающийся пообедать.

Одеяла и матрасы были содраны с кроватей, подушки валялись на полу вместе с одеждой, одну неизвестный злоумышленник пропорол, и по воздуху летали пух и перья. Даже в ванной из тубиков была выжата паста, вылиты все шампуни и гели.

Подруги долго стояли посреди этого безобразия, не в силах произнести ни слова.

- Ни фиги себе! – первой опомнилась Дашка.

- Обокрали! - отмерла Аля. - Нужно полицию вызывать!

- погоди! - твердо ответила Дарья. - Не суетись. Все плохое уже случилось, полиция подождет...

- Что ты хочешь этим сказать? - изумилась Аля.

- А то, - веско начала Дарья, - что это не просто кража. Тем более что ничего у нас не украли.

- Как это? - Аля отвесила челюсть. - А что же все это значит?

- А что у нас красть-то? - не унималась Дашка. - Твою бижутерию или мои кофты? Ну, на чехлы для самолетов они, конечно, сгодятся, а так...

Аля поразились Дашкиному спокойствию по поводу собственной фигуры.

- Ты же знаешь, - втолковывала Дашка. - Пани Малгожата нас предупреждала, чтобы документы и деньги в номере не оставлять, класть в сейф у портье.

- Но мы же...

- А паспорта мы взяли сегодня с собой и деньги тоже.

- Потому что их у нас маловато, - согласилась Аля, - так что с сейфом решили не заморачиваться.

- И правильно, между прочим, сделали! - подхватила Дашка. - Потому что портье этот явно знал о том, что у нас в номере творится, помню я, как он на нас глянул! Нету у меня к нему доверия!

- Ты хочешь сказать... - неуверенно начала Аля.

- Вот именно! Ты, подруга, давай уж включай мозги, не тормози! - посоветовала Дарья. - Ежу понятно, что нас не обокрасть хотели, а что-то в номере искали. Причем хорошо искали, качественно, если уж не поленились тубики с пастой

выжать!

- Но что у нас такого может быть... Ведь компас-то мы нашли только сегодня...

- Значит, записку! - Дашка выудила из кармана билет, который дал Але покойный профессор. - В общем, мы умно поступили, что никому ничего не сказали. Не видела, не знаю, не была, не привлекалась - вот все твои слова на завтрашний день. И никакую полицию мы вызывать не собираемся. Они спросят - что пропало? Ничего. А что беспорядок, так это мы сами утром оставили, когда собирались. Горничная у них плохо убирает - вот это точно...

- Тогда я позвоню тому полицейскому... - Аля, в свою очередь, выудила из сумочки визитку. - Вот, капралу Махотеку.

- Та-ак, - Дашка хитро блеснула глазами. - Я вижу, ты, подруга, не теряешься. Запала на польского красавца! Ну, что я могу сказать - мужик, конечно, видный и в койке, верно, не промах. Уж я такие вещи за версту чую!

- Да ты что? - возмутилась Аля. - Я вовсе и не запала! Я по делу хочу позвонить!

- Ага, рассказывай! - Дашка пренебрежительно махнула рукой. - Конечно, грех таким случаем не воспользоваться, уж больно хорош! Одного только не пойму - с чего ты тогда по своему историку так сильно убиваешься?

- Да ты... - Аля скрипнула зубами.

- Ну ладно, ладно... - Дарья обхватила ее за плечи. - Ну пошутила я, пошутила... Не надо никому звонить, уедем спокойно домой и забудем про все это...

- Господи, как же мне эта поездка осточертела! - с чувством воскликнула Аля. - Хорошо, что завтра домой!

Улицы Куско были запружены народом. Индейцы со всех концов разгромленной империи стеклись в столицу, чтобы лицезреть казнь своего последнего законного владыки. Здесь были коренастые плосколицые моче и рослые уари, смуглые чиму и молчаливые аймаро с собранными в пучок жесткими черными

волосами, деловитые наска и могучие темнолицые Воины Туч чачапояс, спустившиеся с гор ради такого важного события. Бенедиктинский монах Сальватор Страда насчитал в тот день на улицах города больше двенадцати тысяч индейцев.

Зрители собрались на улицах с самого раннего утра.

Никто не разговаривал, только матери кормили иногда грудных младенцев, да горные пастухи время от времени прикладывались к кожаным флягам с родниковой водой.

Все ждали.

И вот наконец со стороны здания Королевского Суда донесся негромкий вздох, словно дуновение утреннего ветра пробежало по многотысячной толпе. В конце улицы появился огромный отряд вооруженных копьями испанцев. Двести солдат шли двумя ровными шеренгами, и перед ними послушно расступалась огромная разноплеменная толпа.

Двести солдат, половина гарнизона Куско.

Примерно такой отряд в свое время разгромил армию Верховного Инки Атауальпы.

И между двумя рядами воинов ехал верхом на черном муле, с петлей на шее и связанными за спиной руками последний правитель империи Верховный Инка Тупак Амару.

Такой страх внушал последний император вице-королю дону Франсиско де Толедо, что он отправил его на казнь под конвоем.

Многие католические священники просили вице-короля пощадить Тупака Амару, сохранить ему жизнь. Они пытались убедить дону Франсиско, что Верховный Инка ни в чем не виновен перед испанской короной. Бенедиктинец Карлос де Овьедо умолял о пощаде, стоя на коленях, – но дон Франсиско был непреклонен. Он утверждал, что Тупак Амару виновен в мятеже, что он приказал казнить королевских парламентаров – и суд, послушный воле королевского наместника,

осудил Верховного Инку на смерть.

Испанцы шли, чеканя шаг, посреди волнующегося индейского моря, и страх не покидал их. Достаточно одной искры, одного слова, брошенного императором, – и все это море обрушится на них, сметет, затопит, превратит в ничто.

Но Тупак Амару ехал с неподвижным и спокойным лицом древнего божества, которому безразлично все земное. Казалось, он не замечает петлю на шее, не замечает свое нищенское черное одеяние, не замечает возвышающийся впереди, на площади перед собором, обтянутый черной тканью эшафот.

Процессия вышла на площадь.

Двое солдат под уздцы подвели мула к эшафоту, помогли Верховному Инке спуститься на землю. Он слегка поморщился – ему претила помощь, но со связанными руками он не смог бы спешиться сам.

На эшафот, однако, он поднялся самостоятельно.

Здесь его ждали два человека – епископ Куско и палач по прозвищу Кривой Хуан.

Епископ последний раз обратился к низложенному императору, предложив ему перед смертью принять свет истинного католического учения. Тупак Амару отстранил его небрежным жестом руки, подошел к краю эшафота и произнес громко и отчетливо, так, что его услышал каждый в толпе:

– Мать-земля, будь свидетелем того, как враги проливают мою кровь!

В ответ на его слова тысячи глоток исторгли вопль жалости и скорби, оскорбленной гордости и отчаяния. Тысячи людей наполнили площадь стонами и плачем. И в ту же секунду на Куско хлынул могучий тропический ливень, словно само небо оплакивало последнего правителя великой империи.

Тупак Амару поднял лицо к дождевым струям, словно прощаясь со своим отцом – великим богом солнца Инту. И небо расколол могучий удар грома – бог ответил своему сыну, последнему Верховному Инке.

Епископ отпрянул от язычника, испуганно перекрестился, торопливо спустился с эшафота и, подобрав края сутаны, припустил по залитой дождем земле к паланкину, который ожидал его в дальнем конце площади. А тысячи индейцев замерли, не сводя глаз со своего последнего законного владыки.

Среди них была молодая женщина в испанском платье, но с узкоглазым бронзовым лицом знатной перуанки. Она тоже не сводила глаз с Тупака Амару, своего мужа и повелителя, стараясь запомнить его лицо на всю оставшуюся жизнь.

Рядом с ней стояла смуглая служанка, которая держала на руках завернутую в шелк и кружева девочку – принцессу Манко Ютан.

А чуть в стороне от них, в толпе оборванных индейцев, таился высокий сутулый человек в темной монашеской одежде. Из-под низко опущенного капюшона острым, внимательным взглядом он следил за молодой женщиной и ее дочерью, маленькой наследницей последнего императора.

Когда на город хлынул дождь, монах поднял руку, чтобы глубже надвинуть капюшон. При этом рукав сутаны опустился, обнажив худую жилистую руку. На пальце сверкнуло массивное золотое кольцо с изображенным на нем подсвечником на три пылающие свечи.

В аэропорт они приехали за полчаса до окончания регистрации. Прежде чем попасть к стойке авиакомпании, нужно было пройти проверку багажа. Аля поставила чемодан на ленту транспортера, бросила рядом свой рюкзачок и прошла через рамку металлоискателя. Прибор зазвенел, и ей пришлось вытрясти из карманов горсть мелочи. Следом за ней прошла через рамку Мымра. У нее ничего не зазвенело, но тем не менее к ней подошел худощавый поляк в ладной форме и спросил, указав на зеленый чемодан:

– То ваш багаж, пани?

– Мой! – отозвалась Мымра, надевая куртку с капюшоном.

– Позвольте осмотреть его содержимое!

– А в чем дело? – взволновалась Мымра. – Я опаздываю на самолет!

– Не беспокойтесь, пани, вы успеете! – И пограничник, подхватив чемодан, повел Мымру куда-то в сторонку.

Аля оделась, схватила чемодан и догнала Дашку. Та уже с независимым видом стояла в очереди перед стойкой.

– Ты видела? – зашипела Аля сквозь зубы. – Видела? Нашу Мымру задержали.

– А что? – Даша взглянула на нее незамутненным взглядом. – Чаще всего такие занудные немолодые особы и оказываются контрабандистками. Или крупными международными террористками. Так что я ничуть не удивлюсь, если у нее в чемодане найдут взрывное устройство или десять килограммов героина. Но у нас-то с тобой совесть совершенно чиста, так что мы можем не волноваться...

– Хорошо, что я не согласилась спрятать это в своем багаже! – прошептала Аля, оглянувшись на соседней.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь! – невозмутимо ответила Даша.

Через полчаса они уже сидели в самолете и смотрели в иллюминатор на летное поле. Вдруг на нем показалась какая-то нелепая фигура, которая неслась к трапу, волоча за собой чемодан. Вглядевшись в эту фигуру, подруги узнали Мымру.

Перед самым трапом чемодан раскрылся, вещи разлетелись по земле.

К счастью, на помощь Мымре подоспела стюардесса, вдвоем они собрали вещи, и еще через минуту Мымра, отдуваясь, ввалилась в салон и заняла свое место.

– Безобразия! – бормотала она, вытирая пот и обмахиваясь. – В жизни больше сюда не полечу!

– А что случилось? – с живейшим интересом осведомилась Даша.

– Представляете, – Мымра повернулась к ней, обрадовавшись неподдельному интересу, прозвучавшему в Дашкином голосе, – представляете, я взяла на память о поездке один камень с развалин Ферштынского замка... один совсем небольшой камешек... – Мымра показала руками размер этого «камешка», никак не меньше приличного кирпича. – Так эти идиоты увидели его на своем экране и решили, что это бомба! Пришлось открывать чемодан, так что я едва не опоздала!

– Ну, к счастью, все закончилось благополучно! – подвела итог Даша и откинулась на спинку сиденья.

Мымра продолжала говорить, ей не терпелось выложить кому-то все, что у нее накопело на душе после инцидента в аэропорту, но Аля сделала вид, что спит.

Как это часто бывает, вскоре она действительно заснула под мерное бормотание Мымры.

Ей снилось, что она идет с Максимом по сводчатой галерее средневекового замка. Она держит Максима за руку и чувствует себя совершенно счастливой. Максим рассказывает ей какие-то подробности из истории этого замка, но Аля не вслушивается в его слова – ей достаточно слышать голос...

Вдруг из-за поворота на галерею выплывает привидение – полупрозрачный человеческий силуэт, облаченный в истлевший саван. Призрак протягивает к Але костлявые руки и восклицает замогильным голосом:

– Отдай мне мой компас! Без него я не могу найти дорогу в потустороннем мире! Без него я обречен вечно блуждать в ледяной загробной темноте!

– Да нет у меня никакого компаса! – ответила Аля. – Его себе Дашка забрала... правда, Максим?

Она поворачивается к Максиму, чтобы тот подтвердил ее слова, но вместо бойфренда ее крепко держит за руку покойный профессор Любомирский!

Мертвый профессор криво улыбается и говорит почему-то женским голосом:

– Отдайте ему компас, дорогая пани! Лучше отдайте, он ведь все равно не отстанет! И пристегните ремни, дорогая пани, ведь через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Санкт-Петербурга...

Аля вздрогнула и проснулась.

– Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Санкт-Петербурга!.. – повторил женский голос в динамике, на этот раз по-английски.

– Ну ты даешь! – проговорила Даша, завистливо взглянув на подругу. – Всю дорогу проспала! А мне пришлось слушать эту... – Она неприязненно скосила глаза на Мымру.

Впрочем, характер у Дашки был легкий, отходчивый, и через несколько минут, когда они стояли в очереди на паспортный контроль, она уже смеялась, пересказывая Але то, что та проспала.

Аля и Даша одними из первых получили багаж, вышли на площадь перед аэропортом, и к Дашке тут же подлетела подруга – тоже весьма внушительных габаритов, хотя до Дарьи ей было далеко. Если пользоваться зоологическими сравнениями, то Дашка напоминала солидную взрослую медведицу, на счету которой много медвежат. Подруга же выглядела медведицей молоденькой, так сказать, на выданье.

Две медведицы расцеловались, Даша повернулась к Але и сказала, что, к сожалению, не может ее подвезти – у подруги маленькая двухместная машина, и они туда вдвоем-то едва помещаются.

Аля ответила, что все нормально, простилась с отпускной подругой и поймала такси. Таксист заломил несусветную цену, но ей было уже все равно – она очень устала и хотела как можно скорее оказаться дома. В машине она откинулась на сиденье и выбросила из головы мысль, что очень неприятно прилетать из отпуска, когда тебя никто не встречает. Чувствуешь себя одинокой и никому не нужной.

Но Максим, наверное, еще не вернулся со своей итальянской виллы. Тем более что Аля вообще не станет ему звонить первая. А маме она специально не стала сообщать время прилета. Мама, конечно, устроит пышную встречу, наймет

машину с водителем, купит огромный букет, будет при встрече промокать глаза кружевным платочком, но как только они останутся вдвоем, тут же выскажет Але все, что думает. Только полные неудачницы ездят в отпуск в одиночку, скажет она. Ибо, если женщине не с кем поехать в отпуск, стало быть, дело совсем плохо, и все это видят. Ездить в отпуск одной – значит полностью махнуть на себя рукой. Нет, Аля не в состоянии выслушивать мамины свежие сентенции. Лучше уж спокойно доехать на такси.

Дома все было точно таким же, как до отъезда, – те же книжки, те же статуэтки, те же комнатные цветы. Только пыли за неделю стало заметно больше, да коралловая фуксия здорово подвяла, несмотря на то что перед отъездом Аля установила сложную и дорогую французскую поливальную систему.

Вот и верь после этого рекламе!

Аля любила свою крошечную однокомнатную квартирку, которую оставила ей бабушка. Она обставила ее по своему вкусу, ни с кем не советуясь и не спрашивая разрешения. Мама, как всегда, пыталась все взять на себя, но Аля проявила несвойственную ей твердость. И денег у мамы не взяла ни копейки на ремонт и на мебель, сообразив, что тогда будет трудно отделаться от советов. Она почти год спала на надувном матрасе и питалась одними бутербродами и лапшой из пакетиков, потому что на кухне не было плиты. Зато квартирка получилась очень уютная, Аля чувствовала себя там легко и свободно, ее окружали любимые книжки и безделушки, а также цветы. Цветы остались от бабушки, Аля и сама их любила.

Сейчас она сделала самое неотложное – полила фуксию, хотела еще вытереть пыль, но поняла, что ей необходимо принять душ, а все остальное потерпит.

В ванной, как назло, не оказалось шампуня. Она вспомнила, что брала флакон в поездку и перед отъездом из Варшавы сунула его в наружный карман рюкзака. Этот флакон отчего-то злоумышленники не тронули, он остался целым.

Рюкзачок валялся посреди прихожей, рядом с чемоданом.

Аля отстегнула клапан, сунула руку в карман...

Вместо шампуня в руку ей попало что-то тяжелое, холодное, металлическое.

Она вытащила предмет и уставилась на него в полном и неподдельном изумлении.

Старинный бронзовый компас – тот самый, который они с Дашкой нашли в тайнике Легницкого замка. Тяжелый, бронзовый, покрытый красивыми сложными узорами и непонятными надписями.

– Черт! – проговорила Аля, когда прошло первое изумление. – Выходит, я шла через таможню с этой штуковиной в рюкзаке? А если бы меня поймали? Ну, Дашка! Ну, медведица косолапая!

Положив компас на тумбочку в прихожей, она все же нашла в рюкзаке шампунь и отправилась в ванную.

После душа стало гораздо лучше, и она посмотрела на происшествие с долей юмора. А когда нашла в шкафу банку кофе и выпила большую чашку с сахаром и сливками – жизнь стала казаться прекрасной и удивительной.

Однако она все же решила позвонить Даше и раз и навсегда решить вопрос с компасом.

Дашкин телефон она нашла без труда.

Та ответила в ту же секунду, как будто ждала звонка.

– Послушай, – проговорила Аля напряженным голосом. – Я у себя в рюкзаке нашла эту вещь!

– Чего?! – переспросила Даша. – Это ты, что ли, Алька? А я думала... так чего ты там нашла?

– Ты сама знаешь что! – раздраженно ответила Аля. – Зачем ты его сунула ко мне? Ты его хотела привезти – так сама бы и несла через таможню! А то, видишь ли, какая хитрая – использовала меня втемную... разве так можно?

- Ты про компас, что ли? – переспросила Даша.

- Тсс! – шикнула на нее Аля. – Не произноси это слово!

- Ну что ты нервничаешь? – примирительно проговорила Даша. – Я просто подумала – если понесу его сама, буду знать, что он у меня, поэтому занервничаю, а таможенники такие наблюдательные, сразу поймут, что у меня что-то есть, и проверят. А ты не знала, что... он у тебя, поэтому шла спокойно... и я тоже не волновалась, вот они и не заметили...

- Ну, ничего себе! – возмущенно перебила ее Аля. – Не волновалась она! А если бы меня поймали?

- В конечном-то счете все обошлось! И потом, даже если бы его у тебя нашли – что бы тебе сделали? Ведь это не наркотики, не взрывное устройство! Не сердись на меня, я понимаю, что поступила по-свински, но хорошо, что хорошо кончается!

Дашка говорила так убежденно и уверенно, что сердиться на нее было невозможно, и Аля быстро оттаяла.

- Ну ладно, – сказала она под конец. – Бог с тобой, я не сержусь. Только хочу скорее его тебе отдать.

- Ой, только не сегодня! – всполошилась Даша. – Сегодня я никак не могу!

- Да нет, конечно, не сегодня, я тоже хочу отдохнуть с дороги. И порядок в доме нужно навести. Завтра можно?

- Завтра? – Даша на мгновение задумалась. – Хорошо, давай, после шести я буду дома... хотя дома у меня черт знает что творится... давай встретимся в ресторане «Полента»... это итальянский ресторанчик на Петроградской стороне, там готовят такую замечательную пасту «аль денте»...

Аля подумала, что на Дашкином месте даже смотреть не стала бы ни на какую пасту, даже самую лучшую, а перешла бы на хлеб и воду, чтобы избавиться от лишних килограммов... впрочем, если она сама не комплексует из-за своего веса,

то всем остальным до этого тем более нет дела.

На следующий день, собираясь на работу, Аля едва не забыла о намеченной встрече и в самый последний момент сунула в сумку злополучный компас.

На вилле Гремани продолжалась конференция. Докладывал молодой русский ученый Максим Горбунов.

По окончании доклада в зале раздались жидкие хлопки. Максим сошел с трибуны и поспешно вышел из конференц-зала.

Он так много ждал от этой конференции, возлагал на нее такие надежды – и так постыдно провалился! Все, о чем он рассказывал коллегам, было пресно, скучно, давно известно. Ему похлопали исключительно из вежливости, особенно за то, что он быстро свернул свой доклад, не стал затягивать.

Он вышел на просторную мраморную террасу, украшенную античными бюстами, и достал пачку сигарет.

– Ваш доклад был вовсе не плох, – раздался рядом сильный, уверенный голос. – У вас все задатки ученого, вам просто не хватает материалов...

Максим удивленно оглянулся.

Рядом с ним стоял высокий представительный мужчина с длинными, обильно тронутыми сединой волосами, в отлично сшитом черном костюме и белой водолазке. Незнакомец медленным артистичным жестом достал золотую зажигалку, поднес ее к сигарете Максима. Максим невольно взглянул на его руку и увидел массивное золотое кольцо с изображением подсвечника на три свечи.

– Если бы вы воспользовались редкими, уникальными архивами, к которым до вас не имел доступа ни один историк, вы смогли бы проявить свой талант в полную силу, вписав свое имя в историю науки!

– Кто вы? – удивленно спросил Максим. – Кажется, я не видел вас среди участников конференции...

– Мое имя вам ничего не скажет, – ответил незнакомец с мягкой улыбкой. – Организация, которую я представляю, существует уже несколько веков, но все это время предпочитает оставаться в тени. Однако возможности у нас очень большие. Впрочем, сейчас мы говорим не о моих возможностях, а о ваших. Я предоставляю вам возможность поработать в самых закрытых, самых секретных архивах ордена Иисуса...

– Вы иезуит? – спросил Максим со жгучим интересом.

– Так называют наш орден непосвященные. – Незнакомец насмешливо опустил глаза. – Впрочем, и среди членов ордена Иисуса наша организация, Братство Светильника, считается чрезвычайно закрытой и тайной. Но не об этом речь. Я предоставляю вам уникальные документы. Вы откроете самые заветные тайны истории – узнаете, кто скрывался под Железной Маской, как и почему умер Наполеон, кем был загадочный Каспар Гаузер, кто был сожжен под видом Гитлера и куда скрылся сам фюрер – да что там, узнаете такое, о чем никогда и не подозревали!

– Извините, – перебил Максим незнакомца. – Я взрослый человек и знаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вы тут наобещали мне туры на колесах, но не сказали главного: что я должен сделать в обмен на ваши удивительные архивы?

– О, я слышу речь не мальчика, но мужа! – Незнакомец тонко улыбнулся. – Несомненно, я попрошу в ответ о некой услуге. Впрочем, это не составит для вас никакого труда.

Когда Максим выслушал, чего хочет от него этот таинственный человек, – он едва не расхохотался!

Действительно, что может быть проще? Особенно для него!

Правда, затем он перехватил взгляд незнакомца – пристальный, цепкий, холодный – и снова услышал голос:

– Только имейте в виду, друг мой, – если вы согласитесь на мое предложение, обратной дороги у вас не будет!

И от этих слов на террасе итальянской виллы словно дохнуло зимним холодом.

На работе за время Алиного отсутствия скопилось удивительно много дел, к тому же шеф был явно не в духе, и Аля попала ему под горячую руку – в общем, к концу рабочего дня она совершенно забыла о средневековых польских замках, симпатичных полицейских, тайнике, старинном компасе, вообще о том, что была в отпуске. Ей казалось, что она уже много месяцев не покидала шумный, скандальный, прокуренный офис.

И только выйдя на улицу и пройдя полпути до метро, она вспомнила о назначенной встрече, взглянула на часы и ахнула: до условленного времени оставалось всего пятнадцать минут.

Аля замахала проезжающим машинам, и почти сразу возле нее остановился скромный «Фольксваген».

Водитель, неразговорчивый парень лет тридцати, оказался мастером своего дела. Несмотря на пробки, всего через полчаса Аля уже подходила к ресторану «Полента».

Даша уже сидела за столиком на открытой террасе. В яркой цветной блузке необъятного размера она притягивала к себе взоры, как рекламный плакат. Перед ней стояла огромная тарелка с какими-то маринованными и копчеными вкусностями.

– Извини, – проговорила Аля, усаживаясь напротив нее. – Пробки, сама понимаешь...

– Ничего, – ответила Дашка с полным ртом, поэтому у нее получилось что-то вроде «нифефо». – Я не тороплюсь. Давай уже сделаем заказ, а то я ужасно проголодалась...

– А это что? – Аля выразительно взглянула на стремительно убывающее содержимое тарелки.

– Это? – Даша недоуменно моргнула. – Так, антипаста, закуськи, чтобы не скучать, пока тебя ждала... кстати, угощайся, – Даша придвинула тарелку к подруге. – Очень вкусно... только вот эту колбаску, извини, я ужасно люблю... – И она выхватила из тарелки какой-то аппетитный кусочек.

– Возьми сразу компас, а то забудем... – проговорила Аля, потянувшись к сумочке.

– Да погоди ты! – отмахнулась Даша. – Сначала закажем, никуда не денется... Эй, молодой человек!

Возле столика возник официант, и Дашка принялась долго и со вкусом перечислять названия блюд. Але она тоже кое-что рекомендовала, но та согласилась только на скромное ризотто с морепродуктами и бокал белого вина.

– Ты представляешь, кого я сегодня встретила? – затараторила Даша, едва официант отошел. – Ни за что не догадаешься!

– Даже пытаться не буду. – Аля принялась складывать из салфетки кораблик, чтобы чем-то занять руки.

– И правильно! – Даша отправила в рот очередную колбаску и проговорила с торжественной театральной интонацией: – Мымру!

– Мымру? – Аля удивленно подняла брови.

– Ну да! Можешь себе представить! Я сегодня встречала группу филологов из Голландии, привезла их в университет, они захотели сфотографироваться на фоне главного здания, ну, ты знаешь, конечно, здание Двенадцати Коллегий... только они встали рядком, я навела фотоаппарат, только собралась щелкнуть – и вдруг на первом плане возникла до боли знакомая физиономия! Ну, ты же помнишь, как в Польше она норовила влезть в каждый кадр! Я ей говорю так вежливо, но постепенно начиная закипать, – дама, проходите, пожалуйста, вы нам снимок портите! А оказалось... – Дашка захихикала и подавилась маринованным артишоком, так что пришлось колотить ее по спине, – оказалось, – продолжила она, отдышавшись, – что Мымра работает в оргкомитете той самой конференции, на которую приехали мои голландцы, и пришла их встретить! Так что мне же еще пришлось перед ней извиняться!

Официант вернулся с заставленным подносом, и Даша набросилась на еду с таким видом, как будто голодала по меньшей мере неделю. Аля не спеша ела ризотто и поглядывала на подругу. Все же в той было какое-то удивительное обаяние, из-за которого на нее невозможно сердиться – и ее непрерывная болтовня, и бурный темперамент, и чудовищный аппетит как-то забавны и симпатичны. Аля решила не беспокоить подругу во время еды: та искренне наслаждалась обильными средиземноморскими блюдами, и мешать ей в такой момент было бы жестоко.

Наконец Дашка очистила тарелки и откинулась на спинку стула, сыто отдуваясь и сияя от удовольствия.

– Ну, теперь еще чашечку кофе – и можно переходить к делам! – проговорила она умиротворенно.

Аля потянулась к своей сумке...

И в этот самый момент прямо возле террасы ресторана остановился длинный сверкающий лимузин с ярким флажком на капоте.

Дверца распахнулась, и из него вывалилось совершенно удивительное существо.

Существо было мужчиной. Чернокожим.

Впрочем, сказать, что это мужчина – значит почти ничего не сказать. Супермужчина, сверхмужчина, мужчина в квадрате или даже в кубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/natalya-aleksandrova/zov-zheltogo-d-yavola>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)